

Праведница

Автор:

[Рене Ахдие](#)

Праведница

Рене Ахдие

Young Adult. Сумеречная жажда. Рене Ахдие Красавица #3

Бестселлер The New York Times и Indie Bestseller!

Любовь, страсть, страх и предательство. Юная Пиппа отправляется на поиски лучшей подруги и попадает в загадочный мир, где живут фейри и другие волшебные создания.

«Праведница» – долгожданная третья книга романтической серии от Рене Ахдие. Продолжение «Красавицы», одного из самых популярных Young Adult романов о вампирах.

Для поклонников Стефани Майер, Трейси Вульф, Энн Райс, Райчел Мид и Холли Блэк.

«Мрачно и восхитительно!» – BuzzFeed

«Романтическая, приключенческая история о вампирах, фейри и волшебных мирах». – PopSugar

Об авторе

Рене Ахдие – американо-корейская писательница, наиболее известная своим бестселлером «Гнев и рассвет». Этот роман переведен на 18 языков. Журнал TIME включил его в список «100 лучших фэнтези-книг всех времен и народов».

Рене Ахдие

Праведница

Renee Ahdieh

THE RIGHTEOUS

THE RIGHTEOUS © 2021 by Renee Ahdieh

© Д. Кандалинцева, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Посвящается Стэйси Барни и Барбаре Поэлль,

которые открыли мне дверь и взяли за руку

А также Сайпрусу и Виктору,

моим солнцу, луне и звездам на небе

Мне кажется, я любил тебя

во всех воплощениях, во все времена,

Жизнь за жизнью, год за годом, веками...

Мое плененное сердце слагает

И переплетает песнь ожерельем,

Что ты принимаешь в подарок и носишь

Во всех своих воплощениях,

Жизнь за жизнью, год за годом, веками.

«Бесконечная любовь», Рабиндранат Тагор

Потом я вырос, и красота навязчивых

иллюзий отпала от меня.

«Прекрасные и проклятые» [1 - Перевод?К.?Савельева.], Ф. Скотт
Фицджеральд

Полн возмущенья, с жалобой пришел Я

«СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ» [2 - Перевод?М.?Лозинского.], УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

Она лежала неподвижно, точно сама смерть.

Арджуну было не по себе от такого ее вида. Он как будто бы слушал финальные ноты «Патетической» сонаты Бетховена. Ждал, пока музыка стихнет под потолком и воцарится полнейшая тишина.

Ей не идет тишина. Одетта Вальмонт всегда побеждает с триумфом. Если уж на то пошло, она должна быть «Одой к радости», а не панихидой.

Как и всегда, Арджун Десай стоял чуть поодаль от своей названной семьи, теперь скорее по привычке, чем умышленно. Он любил находиться в стороне. Так он мог видеть и слышать абсолютно всё. Мог быть уверенным, что никто не застигнет его врасплох.

Пламя свечей, мерцающее вокруг них, напоминало Арджуну картину голландского живописца. Отголоски парфюма Одетты: ароматы цитрусов, неролиевого эфирного масла и роз, – пропитывали шелковый балдахин цвета слоновой кости над ее кроватью, расположенной на верхнем этаже отеля «Дюмейн».

Взгляд Арджуна устремился к пяти бессмертным созданиям, собравшимся вокруг неподвижной фигуры первой вампирши, которая заменила ему семью и которую он считал настоящей сестрой. Он отлично помнил момент, когда пришел к этому выводу, вскоре после того, как прибыл в Новый Орлеан около года назад. Одетта принесла ему чашку чая. Аромат кардамона, имбиря, корицы и молока тогда согрел Арджуна до самой души.

– Я подумала, ты захочешь выпить чашечку чая, – сказала тогда Одетта.

Арджун уставился на нее, не в силах скрыть изумления.

– Ты знаешь, как заваривать индийский чай масала? – спросил он.

Она ухмыльнулась.

– J'ai appris ? en faire [3 - Я научилась его заваривать (фр.)]. Надеюсь, он поможет тебе почувствовать себя как дома, mon cher [4 - Дорогой мой (фр.)]. – Затем она исчезла, не сказав больше ни слова.

Последний, кто заваривал Арджуну чай масала от чистого сердца, был его отец.

В этот момент одинокая слезинка прокатилась по щеке вампира, стоящего перед Арджуном, словно тот был способен прочесть его мысли. Когда они впервые встретились, именно этот вампир беспокоил Арджуна больше всех остальных. Наемный убийца, прославившийся на Дальнем Востоке, Шин Джейяк хранил коллекцию острых, как бритвы, оружий, выкованных из железа, серебра и стали, в черной коробке рядом с гробом, в котором обычно спал. Пересекающие друг друга шрамы украшали его бледную кожу, а черные волосы он предпочитал носить длинными, чтобы можно было скрыть за ними черты лица от чужих глаз. Один лишь его внешний вид должен был таким образом вселять страх. И Арджун не мог не согласиться, что получалось очень эффектно.

– Неужели мы ничего больше не можем для нее сделать? – спросил Джей.

Фейри с кожей точно у призрака и длинной косой ярко-рыжих волос за спиной расправил плечи. Он отвернулся от Одетты и произнес:

– Я не говорил, что мы испробовали все возможные методы. Однако я сделал всё, что было в моих силах. Даже вампир, не обладающий богатой фантазией, вроде тебя, должен понимать разницу, Шин Джейяк. – Голос его хоть и был презрительным, все равно прозвучал сдержанно и не очень уверенно.

– Тогда что еще можно предпринять? – нетерпеливо спросил Джей, закатывая рукава льняной рубашки так, точно уже готовился к сражению. – Почему Одетта по-прежнему не просыпается?

Фейри прищурил глаза, отчего стал походить на человека еще меньше, а на опасное создание, каким и являлся, – больше. Стал еще сильнее напоминать воина, обязанности которого и выполнял, служа личным стражником Никодима Сен-Жермена на протяжении многих лет. Однако он ничего не сказал в ответ, и вокруг повисла тяжелая тишина.

Арджун вздохнул, уперевшись плечом в позолоченную резную колонну из мрамора, отделяющую спальню Одетты от гардеробной, сделанной в стиле Версальского дворца семнадцатого века. Он понимал, почему Джей всегда готов к драке. Этот вампир чувствовал себя спокойнее всего именно тогда, когда сражался. Так он был в своей стихии. Арджун чувствовал подобное, когда сновал в тени.

Мэделин наверняка попытается пресечь попытки Джея решить всё грубой силой. Это мог бы сделать Бастьян, если бы находился сейчас здесь. Обида на мгновение затмила все остальные чувства Арджуна. Себастьян Сен-Жермен, вампир, получивший по праву наследства корону Львиных чертогов после недавней кончины его дяди Никодима, решил покинуть их всех два дня назад, поспешив следом за Селиной Руссо в ее разноцветной, как драгоценный камень, юбке. Оставил он лишь одну-единственную непростительно таинственную записку:

Я вернусь.

«Вот ублюдок».

Как Арджун и предполагал, Мэделин появилась рядом с Джем, и ее темнокожая рука стиснула его бледную, покрытую шрамами ладонь.

– Джей, пожалуйста, – взмолилась она тихонько. – Мы благодарны тебе за все, что ты сделал, Ифан. – Она повернулась к рыжеволосому фейри.

– Ваша признательность для меня бесполезна, – сказал Ифан. – Сдержите свое обещание заплатить за оказанные услуги. Это все, чего я прошу.

– Если тебя интересует лишь золото, ты его получишь, – протянул Бун, сидящий у края позолоченной кровати. – Контрактник до конца своих дней. Как любой гребаный фейри. – Даже когда он ругался, его голос звучал утонченно. Быть может, все богатые белые мужчины из города Чарльстон на самом деле были такими.

– Так и есть, – ответил Ифан, изогнув одну бровь. – А с чего это жизнь какого-то кровопийцы должна мне быть дороже, чем жалованье? Моя верность вам умерла вместе с Никодимом, а ваши вербальные благодарности не принесут никакой практической пользы. – Он заткнул темно-синий пузырек пробкой. – Я спас Одетту Вальмонт от мучений в объятиях вечной смерти, что само по себе является немалым подвигом, учитывая ужасную рану на ее шее. Свою часть сделки я сдержал. Жду оплату. – Замолчав, он начал вытирать выцветшей льняной тряпочкой окропленные кровью медные инструменты.

Бун скрестил на груди загорелые руки и недовольно поджал губы.

– И как долго она останется в подобном состоянии? – поинтересовался он.

Ифан неопределенно пожал плечом.

– Пока ее никто не тревожит, она может спать десятилетиями, что, однако, не особо отличается от смерти, как я полагаю. – Усмешка исказила его лицо. – Я слышал, что вампиры, не получающие кровь, становятся похожи на ссохшиеся

кожаные мешки через какое-то время... А также теряют из-за этого рассудок. – Его ухмылка стала еще шире. – Такой исход событий наверняка сведет эту вампиршу с ума окончательно. – Фейри неспешно окинул комнату взглядом. – Вальмонт и без того была эксцентричным созданием. Возможно, вы сможете держать ее здесь. В качестве еще одного безжизненного произведения искусства. Собственный экспонат Львиных чертогов.

Джей заворчал и произнес:

– Так-chuh [5 - Умолкни (кор.)], кусок ты...

– Я подразумевал это как комплимент, – поспешно добавил Ифан. – Красота – единственное, ради чего стоит жить.

Перед ним появилась Гортензия, расставив ноги на ширине плеч и уперев руки в бока.

– Так ты не можешь ее разбудить? – Она наклонилась чуточку вперед, и ее глаза угрожающе блеснули, а французский акцент зазвучал резко и грубо. – Или не хочешь? – Хотя она и обнажила клыки перед фейри, ее украшенные драгоценными перстнями пальцы продолжали нервно сжимать носовой платочек, перепачканный кровавыми слезами.

Все они любили Одетту Вальмонт. Каждый из кровососущих демонов, которых Арджун привык считать семьей, не мог уже и вообразить жизнь без нее. Можно ли сказать, что Одетта сейчас в летаргическом сне? Это все равно что море без соли, или вино без опьяняющего вкуса.

– Можете спрашивать меня миллионы раз, мисс Деморни. – Ифан окинул Гортензию с ног до головы столь же проницательным взглядом. – Однако ответ останется неизменным: не в моих силах пробудить Одетту Вальмонт.

– Тогда в чьих же? – Голос Гортензии понизился до отчаянного шепота.

И снова фейри неопределенно пожал плечом.

– Быть может, существует способный лекарь в землях Сильван Уайль.

Гортензия насмешливо фыркнула.

– Parfait! [6 - Замечательно! (фр.)] Лекарь, обитающий в землях, на которые вампирам ступать запрещено. Ideal! [7 - Отлично! (фр.)]

– Не все из вас являются вампирами, – заметил Ифан. – Так что не всем вам запрещено ступать на те земли.

Недовольный вздох пронзил тишину. Арджуну не удалось сдержать его. Он стукнул легонько головой о мраморную колонну, затем еще разок и крепко сжал челюсти.

Не приходилось сомневаться в том, что Арджун может это сделать. Он готов был на все, если вопрос стоял о жизни Одетты. Она ведь была ему сестрой. Все они были ему семьей. Однако это не означало, что ему нравилось то, что последовало за словами Ифана.

Пять пар бессмертных глаз вопросительно устремились в его сторону.

– Какого черта! – выругался Арджун, и его английский акцент тоже прозвучал грубо.

Гортензия повернулась к нему, метнувшись с нечеловеческой скоростью в мгновение ока, и ее юбка цвета умбры зашуршала.

– Разве ты не хочешь спасти Одетту? – спросила она. – Я полагала, что этириалы вроде тебя...

– Ma soeur [8 - Сестра (фр.)], – оборвала ее Мэделин, одарив предупреждающим взглядом, – пожалуйста, веди себя терпеливо. – Она тоже подошла к Арджуну с такой же нечеловеческой скоростью, отчего ее наряд на миг обратился в пятно бирюзового шелка у него перед глазами. – Арджун, я знаю, что ты прожил вместе с нами не так много времени, однако мы давно считаем тебя одним из нас...

– Мэделин. – Он мягко остановил ее. – Вам необязательно меня просить. Разумеется, я отправлюсь в Сильван Уайль, чтобы разыскать лекаря для Одетты.

Она моргнула, и беспокойные складки на темной коже лба разгладились. Кивнув, она произнесла:

– Я знаю, что тебя не радует возможность отправиться в путешествие в родные места матери. И я прекрасно понимаю, что тебе это причиняет немало боли. – Выражение ее лица смягчилось еще больше. – Отправляясь, прими наши благодарности. Что бы тебе ни понадобилось, только скажи.

– Заставьте его поклясться, что он не вернется без лекаря, – сказал Ифан. – Даже проклятые этириалы, как Арджун Десай, должны быть скованы обещанием. Полукровки могут лгать, обманывать, воровать или даже убивать, если захотят, однако они всегда связаны обязательствами.

Злость наполнила Арджуна, и он сжал кулаки. Однако ему удалось совладать с эмоциями. Полнокровные фейри, такие как Ифан, пытались его спровоцировать при каждой удобной возможности с того самого дня, когда он впервые ступил на земли Сильван Уайль, будучи семилетним мальчишкой.

– Обещать вовсе не обязательно, – заметил Джей. – Наш брат нас не подведет. – Он положил руку на плечо Арджуна. Хотя этот жест должен был поддержать, Арджуну не удалось не вздрогнуть от прикосновения. Страх – чувство, от которого сложно избавиться. Точно как и любовь.

– Ну это мы еще увидим, – сказал Ифан и поправил рукава. – Он этириал, в конце-то концов. Такому опрометчиво доверять на одном лишь честном слове. Поступайте, как желаете, просто я терпеть не могу глупцов.

Арджун оттолкнулся от мраморной колонны и одарил его холодной улыбкой.

– А вот твоя мать, очевидно, глупца терпеть могла.

На бледной челюсти Ифана задергалась мышца. Он угрожающе покосился в сторону Арджуна, и тот с радостью наградил его злобным взглядом в ответ.

Смех Буна прозвучал мягко, хотя немного устало.

– Одному из нас следует пойти с тобой, Арджун.

– Нет, – ответил тот. – Вампира в Сильван Уайль терпеть не станут. Риск слишком велик, как для жителей тех земель, так и для тебя.

– Бастьян бы отправился с тобой. – Мэделин погрузилась, когда это произнесла.

– Быть может, ради нашей же безопасности нам не следует брать пример с Себастьяна Сен-Жермена, – сказала Гортензия, сердито блеснув глазами.

Все внезапно замерли во тьме, и только пламя свечей продолжало колебаться. Воцарилась тишина, окутав всех разом. Печальная. Злая.

Бастьян предал семью. Он бросил их всех и исчез, когда был им нужен больше всего. И оставил Одетту умирать.

Что бы он ни сказал потом в свое оправдание, его поступок совершенно непростителен.

– Если ты попросишь у матери помощи, она откликнется? – Мэделин внимательно посмотрела на Арджуна, выпрямив спину, точно в ней был железный стержень.

– Ну это вряд ли, – честно ответил он. – Генерал Рийя будет последней, кто станет помогать кровопийцам, даже если об этом попросит ее собственный сын. – Он устало поморщился. – Конечно, я сделаю все, что от меня потребуются, чтобы спасти Одетту. Она – моя семья, как и вы все теперь. – Понизив голос, он добавил: – Однако когда я в последний раз пересекал границу между этим и другим миром, я поклялся оказать службу гномьему королю Сильван Вальд в обмен на безопасную дорогу по землям Зимнего королевства. Как только он поймет, что я вернулся в его мир, мне придется сдержать обещание.

Ифан цокнул языком, все еще продолжая вытирать медные инструменты.

Мэделин сделала медленный вдох.

– Сколько времени, как думаешь, у тебя будет до того, как этот гномий король узнает о твоём возвращении в другой мир?

– Я обещал ему вернуться в начале нового лунного месяца тех земель. Полагаю, в землях под луной смертных это где-то около двух месяцев? – Арджун наклонил набок голову, задумавшись. – Однако новый лунный месяц для меня начнется через неделю или, в лучшем случае, две недели, если я пересеку границу другого мира. Время там идет иначе, совсем не так, как здесь. Я сомневаюсь, что пройдет много времени, прежде чем до гномьего короля дойдут слухи о моем появлении в землях Сильван Уайль.

Бун вздохнул, перебирая пальцами свои ангельские кудряшки.

– Около недели, значит? То есть примерно дней десять? – уточнил он. – Двенадцать?

– Десять в лучшем случае, – согласился Арджун, немного подумав.

– Что ж, тогда хватит болтать, – сказал Джей. – Отправляйся скорее.

Кивнув, Арджун потянулся за пиджаком.

– А как зовут этого гномьего короля? – Гортензия все никак не унималась. – *C'est possible* [9 - Быть может (фр.)], его можно уговорить простить тебе долг? Или, по крайней мере, мы могли бы отправить вместо тебя на службу кого-нибудь другого, нет?

Смех фейри зазвучал ясно и холодно, как зимняя ночь.

– Гномий король не представился по имени, – признался Арджун, натягивая пиджак цвета карамели. – И, увы, Ифан прав. Насколько я знаком с существами Сильван Вальд, он вряд ли простит мне долг, что бы ему ни предложили. Он вспыльчивый и бородатый, а еще у него на службе хромой синий гоблин. Он и его соратники завладели властью в ледяном дворце Кура уж точно не благодаря милостивой природе.

Гортензия скрестила на груди руки.

– Однако я порой бываю очень... убедительной.

На губах Арджуна невольно появилась едва заметная улыбка.

– В этом я точно не сомневаюсь, – сказал он.

Мэделин заботливым движением взяла Арджуна под руку. Она всегда кардинально отличалась от младшей сестры с пронзительными, как кинжалы, глазами.

– Будучи лидером данного ковена, – сказала Мэделин, – я даю тебе разрешение делать все, что потребуется, и обещать жителям Сильван Уайль все что угодно ради пробуждения Одетты от смертельного сна. – Она покрепче сжала локоть Арджуна. – А теперь иди да поторопись.

Арджун взял ее ладонь в свои и почувствовал, как она сжала его еще сильнее, точно матушка, подбадривающая дитя. Ну, по крайней мере, Арджуну материнская поддержка представлялась именно так. Его родная мать никогда не отличалась щедростью на похвалу и заботу.

– Арджун? – Джей уселся на край жаккардового диванчика, стоящего у кровати Одетты, неспешно вытащил из ножен один из многочисленных кинжалов, которые вечно прятал под длинным плащом, и начал полировать его. Эхо трущегося о камень металла разнеслось по окутанному светом свеч полумраку комнаты. – И оставь портал в Уайль открытым, после того как уйдешь.

– Но портал обычно открывают в Раджастан, – ответил Арджун. – А вторые ворота сокрыты под фонтаном на...

– Нет. – Джей уставился на Арджуна из-под длинных черных волос. – Не надо как обычно, надо простой портал. Я говорю о прямой дороге в Сильван Уайль.

Арджун повернулся к Джею, и его карие глаза невольно широко распахнулись от удивления.

– Но ведь опасно оставлять открытый портал, ведущий прямым в другой мир, – возразил он. – Прямая дорога отсюда до Сильван Уайль будет также и прямой дорогой оттуда до Нового Орлеана. Если портал не закрыть, невесть какие существа смогут беспрепятственно пробраться сюда.

Не смутившись, Джей ответил:

– Если ты и правда скован обязательством службы гномьему королю в Сильван Вальд и не успеешь отыскать лекаря, нам понадобится прямая дорога, чтобы сделать все, что необходимо для спасения Одетты. – Он продолжал сжимать в руках грозный клинок, пока разговаривал.

Бун согласно заворчал.

– А если ты переживаешь, что кто-нибудь может воспользоваться волшебным зеркалом, то вспомни: никто не знает, что оно располагается здесь, в Новом Орлеане, – сказал он. – Никодим сделал все, чтобы сохранить информацию о его существовании в тайне ото всех бессмертных, не состоящих в наших кругах, а твои апартаменты заколдованы от любого непрошеного гостя.

– Однако не так давно ходили слухи о том, что в распоряжении свиты Никодима находится секретный портал, – заметил Арджун. – И я самолично их слышал.

– Слухи не являются доказательством, и я сочувствую любому глупцу, который осмелится сунуть нос в Сильван Вальд *sans l'invitation* [10 - Без приглашения (фр.)], – вклинулась Гортензия, с языка которой всегда невольно срывались французские слова. – Какими бы ни были... – она развела руками, словно что-то искала, – *charmant* [11 - Очаровательными (фр.)] жители Сильван Уайль, я не сомневаюсь, что они не менее жесткие, чем наши предки в Сильван Вальд.

– Портал не придется держать открытым долго, – добавил Джей, вертя только что заточенное оружие в руках. – В этом можешь не сомневаться.

Немного поколебавшись, Арджун все-таки кивнул, хотя ему эта идея все равно по-прежнему совершенно не нравилась.

– Хорошо, я оставляю портал в серебряном зеркале открытым, – согласился он. – Однако я беспокоюсь не только о бессмертных жителях Нового Орлеана, которые могут попытаться им воспользоваться в своих целях. Как и сказал, я не исключаю вероятности того, что какое-нибудь существо из Сильван Вальд может использовать зеркало, чтобы пробраться к нам сюда.

– В любом случае мы готовы рискнуть, – сказала Мэделин, остановившись рядом с Джемом в знак солидарности. – Отправляйся, Арджун. Со скоростью бога.

Арджун почти улыбнулся. Бога? Он сомневался, что бог захотел бы иметь дело с ковром кровопийц, в особенности с этим, расположившимся в самом сердце Нового Орлеана, переполненного призраками, вурдалаками и гоблинами.

Проклятые. Падшие. Львиные чертоги. Их знали под разными именами, и ни одно из них не звучало с благословением, это уж точно. Так не было принято, только не в этом мире, пронизанном шепотом проклятий, мерцающими заклятиями и оборотнями, вооруженными смертоносными артефактами. Забавно, однако, что, несмотря на все отличия от фейри Летнего королевства, вампиры вели себя столь же драматично и театрально до самого конца. Бун с так называемым южным очарованием, Гортензия с элегантным гедонизмом, Мэделин с расчетливым желанием все контролировать, Джей с убийственной хмуростью и Одетта...

Арджун боялся больше всего того, о чем никто из них не хотел говорить вслух. Ведь произнесенные слова сразу же становятся реальностью. Одетта Вальмонт была именно той, кто держал их всех вместе, кто их сплотил. А если сама она не цела, то и они никогда больше не будут целыми...

В последний раз взглянув на членов своей названной семьи, Арджун поправил ворот пиджака, покинул верхний этаж роскошного отеля «Дюмейн» и быстро зашагал в сырой темноте летнего вечера Нового Орлеана. Когда план, который он обдумывал в голове, начал обретать форму, в сердце поселилась уверенность, а шаги стали шире. Теперь Арджун знал, с чего следует начать.

Пять дней. У него было всего пять дней в Сильван Уайль на то, чтобы убедить одного из общепризнанных врачей тех земель отправиться с ним обратно в мир смертных... чтобы спасти вампира. Спасти заклятого врага этого самого врача.

Это не какая-то игра в шахматы. У Арджуна не было времени на то, чтобы предугадывать мысли и поступки капризных фейри. Смертная кровь отца наделяла его недостатком в мире, который гордился чистотой родословных. Арджун всегда полагал, что существует всего два вида смертных людей, которые могут чувствовать себя в безопасности в землях Сильван Уайль: те, кто оказался достаточно глуп, чтобы заключить брак с членами дворянских родов

фейри; и те, что уже мертвы. Большинство полукровок не могли похвастаться счастливой жизнью. С семи лет Арджун жил в Летнем королевстве Сильван Уайль. Он отлично знал местные законы и правила. Он умел играть в местные игры. И сейчас он поступит точно так же, как поступал всегда с детства, проведенного в качестве наполовину смертного мальчишки, у которого на спине словно мишень, от которой невозможно избавиться...

Арджун затаится и будет ждать, как незримое чудище на морском дне. Он позволит над собой насмехаться. Позволит впиваться когтями в его плоть и раздирать его душу на части, если потребует. Будет продолжать улыбаться и стоять неподвижно.

И ни за что не позволит другим увидеть гнев, пылающий в его душе.

Когда я читала сказки, я твердо знала, что такого на свете не бывает! А теперь я сама в них угодила!

«ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ В СТРАНЕ ЧУДЕС» [12 - Перевод?Н.?Демуровой.], ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ

У нее осталось мало времени.

Через несколько часов все раскроют ее страшную тайну. В запасе не больше семидесяти двух часов.

Пиппа Монтроуз выглянула из-за темного угла улицы, и сердце застучало у нее в ушах громко-громко, точно раскаты грома. Она проводила взглядом трех девушек в роскошных нарядах, которые вышли из парфюмерной лавки, их кружевные шифоновые юбки вились за ними следом, а угасающий свет заката очерчивал каждое их движение. Самая высокая из них сунула запястье под нос подругам, когда они остановились на пороге самого популярного магазинчика ароматов в Новом Орлеане.

– Слишком сладкий? – поинтересовалась она пронзительным голосом, который напоминал расстроенное пианино.

Ее пухленькая подружка в розовато-лиловом наряде покачала головой.

– Думаю, он идеальный, Женевьева, – сказала она. Стремление девушки угодить подруге напомнило Пиппе ее щенка корги, которого звали Королева Елизавета. Она обожала носиться по квартире, выпрашивая, чтобы кто-нибудь из присутствующих ее погладил.

Женевьева выжидательно повернулась ко второй компаньонке, худенькой девушке в желтеньком наряде, которая стояла у края тротуара, разглядывая свечение газового фонаря.

– Ты же знаешь, мне плевать на подобные мелочи, Джиджи, – сказала девушка, равнодушно пожав плечами. – Твоя матушка скажет...

– Да к черту ее. Мне нужно выяснить, какой аромат сможет привлечь внимание достойного жениха в мгновение ока. – Женевьева нетерпеливо дернула у себя под подбородком сатиновую ленту цвета слоновой кости, которая держала ее капор [13 - Капор – женский головной убор с лентами, которые завязываются под подбородком.]. – Ради всего святого, мне уже двадцать два года!

Худенькая девушка насмешливо хмыкнула.

– Тогда, может, тебе лучше спросить мнение достойного жениха вместо своих кузин. Вместо женщин.

С губ Женевьевы сорвался сердитый вздох.

Пиппа начала постукивать пяткой по серой дорожной брусчатке и нетерпеливо нахмурила брови. Вдалеке за ее правым плечом забили часы на башне собора Сен-Луис.

Уже семь часов.

Парфюмерная лавка Валерии Генри вот-вот закроется.

«Хватит с меня всей этой чепухи», – решила она про себя. У нее не было больше времени. Если с Селиной произошло нечто ужасное, у Пиппы было всего два дня на то, чтобы помочь лучшей подруге. Считанные часы до того, как жизнь Пиппы больше не будет полностью принадлежать ей. Она уже не сможет проводить время так, как ей самой заблагорассудится. Ее в скором будущем свекор, Реми Девере, ни за что не позволит Пиппе шататься по городским кварталам, точно беззаботной девчонке, играющей в детектива. Это ведь просто-напросто неприлично.

А Девере, как никто другой, были приличной семьей.

С решительным видом Пиппа зашагала мимо молодых девушек в разноцветных нарядах, подошла к синей двери под покачивающейся вывеской Parfum и уверенно трижды постучала по ней костяшками пальцев.

Никто не ответил.

Пиппа снова постучала. Еще сильнее. Еще громче.

Пухленькая девчушка неподалеку захихикала так, будто бы Пиппа была какой-то простолюдинкой.

– Должно быть, она закрыла магазин, когда мы вышли, дорогуша, – сказала она. – Какая жалость.

Пиппа ее проигнорировала, начиная злиться, и у нее невольно напряглись плечи. Она еще раз настойчиво постучала. Потом подергала дверную ручку, но дверь и правда оказалась заперта. Она расстроено опустила плечи.

«Будьте вы все прокляты».

Однако она не готова была сдаваться. Пока еще нет. Ведь Пиппа Монтроуз так просто никогда не сдается.

– Вам срочно понадобился парфюм? – поинтересовалась Женевьева, и ее голос расстроенного пианино неприятно заскрежетал в ушах у Пиппы, заставляя морщиться. Теперь обе ее кузины нагло захихикали.

Пиппа резко развернулась, готовая осыпать их всеми проклятиями, какие знала, и ее глаза сердито блеснули. Она осеклась лишь в самый последний момент. Заставила себя перестать хмуриться. Пиппа ведь больше не была злой юной девчонкой, ненавидящей саму себя под одеялом. Нет, она оставила ее давным-давно в Ливерпуле, и это к лучшему, потому что та девчонка не принесла Пиппе ничего, кроме неприятностей.

И в конце концов, Пиппа ведь вот-вот станет Девере.

Натянув на лицо терпеливую улыбку, она произнесла:

– Сказать по правде, у меня неотложное дело к мадам Генри.

– Что ж, уверена, она будет здесь завтра, – ответила Женевьева, снова нюхая левое запястье.

Это означает, что Пиппа потеряет еще один драгоценный день. Этого она не могла себе позволить. Пиппа снова вскинула кулак и собралась было опять барабанить в синюю дверь до тех пор, пока ей кто-нибудь не откроет. Однако за секунду до того, как костяшки ее пальцев ударили по выкрашенному дереву, петли заскрипели и дверь резко распахнулась, окатив Пиппу волной парфюмированного воздуха.

– Чего тебе надо? – поинтересовалась молодая женщина с темной кожей и ярким платком, уложенным у нее на голове, точно корона, раздраженно уставившись прямо на Пиппу.

– Элуиз! – Пиппа растерялась, отшатнувшись. Она не видела Элуиз с тех самых пор, как та высказалась резко против того, чтобы Селина возобновляла отношения с Бастьяном, а потом покинула их магазин одежды в знак протеста, так больше и не вернувшись. Несмотря на то, что у самой Пиппы был достаточно взрывной характер, она никогда не любила ссориться. Ее пальцы сжались в кулаки, силясь сдержать эмоции. – Здравствуй. Я... мне нужно поговорить с твоей матерью, с Валерией.

– С матерью? – Тонкие брови Элуиз вопросительно изогнулись. – ?Por que? [14 - Зачем? (исп.)]

Пиппа сделала шаг назад, опять растерявшись.

Элуиз закатила карие глаза.

- О чем? - перевела она свой же вопрос.

- О... - Пиппа сглотнула, нервничая все сильнее. - О Себастьяне Сен-Жермене.

- Себастьян Сен-Жермен! - воскликнула Женевьева, до сих пор тихо подслушивая рядышком. Ее пухленькая кузина так же воодушевленно взвизгнула, тряхнув розовыми рукавами. - А разве он не исчез?

Ее нервная, как щенок, кузина кивнула.

- Уже почти два месяца назад исчез. Вместе с той симпатичной девушкой, которая жила в Урсулинском монастыре. Та, что с зелеными глазами и вороной копной волос.

- Кажется, ее зовут Селеста, - скучающим тоном вставила худенькая девчонка в желтом наряде.

Пиппа прикусила язык. Нет, ее зовут не так. Совсем не так.

Элуиз скрестила руки на груди и уставилась на Пиппу, ожидая ответа.

Пиппа нервно прикусила изнутри щеку. Не говоря ни слова, она вытащила из кармана бледно-зеленого платья маленький квадратик толсто свернутой льняной бумаги и протянула Элуиз. Порыв летнего ветра пронесся по их ногам в тот самый момент, как конвертик передали из рук в руки. Он растрепал распущенные кудри светлых волос Пиппы и пробежал холодком по выступившему на ее ключице поту.

Элуиз открыла конверт. Лишь мельком на него взглянула, а затем шагнула в сторону и жестом руки пригласила Пиппу войти в магазин. Когда Пиппа не отреагировала моментально, Элуиз схватила ее за локоть и затащила внутрь одним грациозным движением. Пиппа перевалилась через порог, точно корабль,

который отшвырнуло штормом, и ее плечо ударилось о деревянную дверную раму.

– Ай! – вскрикнула Пиппа, прикусив язык, чтобы не выругаться как ирландский матрос.

До того как Женевьева и ее кузины успели заскочить следом, синяя дверь захлопнулась, оставив Элуиз и Пиппу почти что в крошечной тьме внутри магазинчика.

– Когда ты его получила? – поинтересовалась Элуиз без промедлений.

Пиппа выпрямила спину и потерла ударенное плечо.

– Два дня назад, – честно сказала она.

– И ты узнаешь почерк?

– Думаю, это почерк Селины. Но я не видела ее с тех пор, как она исчезла с Бастьяном. – Пиппа кивнула сама себе. – Да, я уверена, что почерк принадлежит Селине. Но что-то с этим письмом не так. С ним вообще все не так, но мне никто не верит.

На гладком лбу креолки появилась хмурая морщинка.

– Со?о [15 - Черт (исп.)]. Получается... Селина Руссо глупа, как я и думала. Бросила все ради этого *comemierda* [16 - Дерьмод (исп.)], этого мальчишки, полетев вслед за ним, как муха на мед. – Элуиз вдруг замерла. – Надеюсь, она в нем утонет.

– Что? – Пиппа моргнула, чувствуя, как злость теплится в груди с новой силой. – Да как ты смеешь... – осекшись, она прочистила горло. – Ты не имеешь права на...

Элуиз цокнула языком, заставив Пиппу замолчать.

– Ты не в курсе, потому что у нас не было возможности хорошенько узнать друг друга, однако когда мы с Бастьяном были маленькими, я считала его одним из самых близких своих друзей. Теперь уже все Французские кварталы знают о том, что глупышка Селина Руссо и единственный наследник всего состояния Сен-Жерменов исчезли. Как Ромео и Джульетта нашего города-полумесяца. Idiotas [17 - Идиоты (исп.)]. – Элуиз язвительно рассмеялась.

Гнев вспыхнул ярче в груди Пиппы.

– А теперь послушай сюда, – начала было она, – ты не можешь...

Элуиз ткнула указательным пальцем Пиппе в лицо, а затем начала ворчать себе под нос, точно умалишенная, какие-то слова, которые Пиппа не могла разобрать.

Пиппа сделала шаг назад, ей стало не по себе, и от этого гнев немного утих. Она несколько раз слышала слухи о том, что Валерия Генри происходит из рода, который увлекается магией. А еще о том, что женщины из рода Генри состояли в оккультных кругах, окутанных мистическим мороком тайн и загадок. Слышала и о том, что в этих кругах варили зелья и благовония, способные околдовать юношей или же вогнать в транс соперниц леди. Именно поэтому Пиппа и решила разыскать Валерию. Несмотря на то, что она с Элуиз несколько недель проработали в одном магазине одежды, Элуиз ничем не выдала свой магический дар, если не считать, конечно, ее способность подбирать ароматические масла для рук и лица.

Однако если кто-то во всем Новом Орлеане и мог помочь Пиппе выяснить, что случилось с Селиной и этим загадочным Себастьяном Сен-Жерменом, то только Валерия Генри. По крайней мере из тех, кого Пиппа на сегодняшний день встречала.

Она устала терять все, что ей было дорого. Столько всего в жизни она уже потеряла. Родной дом. Фамилию. Семейные богатства и их репутацию.

Лидию и Генри. Самых дорогих ей людей.

Пиппа покрепче стиснула зубы. Через несколько дней она сможет все это себе вернуть. Главное: продолжить вести себя тихонько и жеманно, тогда она и все те, кого она любит всеми фибрами души, никогда больше не узнают, что такое

нужда. Пиппе просто нужно контролировать себя, покорно выйти замуж и стать членом богатой могущественной семьи Девере... а еще проигнорировать тот факт, что ее лучшая подруга исчезла в мире крови и тайн, в котором снуют существа, способные перемещаться быстрее молнии, с клыками острее, чем заточенная коса, и умеющие обращаться в волков при свете полной луны.

Это безумно. Это невозможно. Однако Пиппа видела все это собственными глазами.

Если она как следует понимает, что хорошо для нее, то она развернется и уйдет сейчас же, не оборачиваясь, пока не окажется у алтаря и не примет руку Фобоса Девере, который поклянется быть ей верным до конца их дней. Пока она не опустит глаза перед пронзительным взглядом его отца, человека, который контролирует весь мир вокруг Фобоса и заправляет всем с точностью дирижера перед оркестром.

Только вот... Селина. Ее лучшая подруга. Что же с ней случилось? Вдруг Себастьян и его кровожадные демоны Львиных чертогов причинили ей вред, пусть и неумышленно? Или Майкл Гримальди со своей стаей волков утащил ее из Нового Орлеана против воли?

Только в одном Пиппа была сейчас точно уверена: так называемая прощальная записка, которую ее подруга оставила у нее на подушке два дня назад, была написана почерком Селины. Хотя слова в этой записке совсем не походили на тон Селины и никак не уменьшали переживания разбитого сердца Пиппы.

Пиппа Монтроуз не готова была снова мириться с разбитым сердцем. Довольно сидеть и молчать, наблюдая, как рушится все, что ей дорого. Хватит улыбаться и притворяться, будто все хорошо.

– Если бы я только могла поговорить с твоей матерью пару минут... – начала Пиппа, снова собрав волю в кулак.

Элуиз прищурилась, всматриваясь в квадратный клочок льняной бумаги в руках. Она бормотала все тревожнее и быстрее, и ее голос начинал гипнотизировать. Ни слова не разобрать. Пиппа задумалась, а не в опасности ли теперь и она сама. Мысленно отругала себя. Она даже ни разу не задумалась, что может угодить в ловушку, которую сама же для себя и сотворила. Несколько человек, с

которыми Пиппа общалась, заверили ее, что Валерия Генри не якшается со злыми духами. Однако никто ничего не говорил ей про Элуиз. Сказать по правде, Пиппа вообще не ожидала встретить на пороге парфюмерного магазинчика единственную дочь Валерии Генри.

Поверхность льняной бумаги внезапно начала мерцать, точно заколдованная.

Пиппа ахнула и опять попятилась назад. Хотя она пришла в парфюмерную лавку именно за этим, за доказательством того, что семья Генри имеет связи с оккультными силами, это все равно застало ее врасплох.

– Как я и предполагала, – недовольно проворчала Элуиз. – Этот листок не принадлежит смертному миру. Он из другого мира.

– Из другого мира? – Пиппа непонимающе моргнула.

– За многие годы истории тот мир носил немало имен, – сказала Элуиз. – Когда-то его даже называли Эдемом. Он является обителью фейри. Это мир, который мы можем лишь мельком узреть, когда засыпаем. Место, где проживают демоны света и тьмы. Предки моей матери называли его Азиза.

– Азиза? – Пиппа прикусила нижнюю губу. – Фейри? То есть... как феи?

Элуиз кивнула, бумажка в ее руке все продолжала мерцать.

– И они живут не в нашем мире? – продолжила Пиппа с круглыми от изумления глазами. – Есть еще целый мир? Где же он?

– Откуда мне-то знать? – Элуиз фыркнула. – Однако если ты спрашиваешь у меня, как отыскать тот мир, то, полагаю, туда можно отправиться через тару, или так называемый портал, соединяющий две реальности. А вот где такие порталы находятся, нам остается только догадываться.

Сердце в груди забилось чаще. Раньше она выяснила, что полуночные демоны и безумные волки существуют не только на страницах сказочных книг, так теперь еще и получается, что Пиппа столкнулась с возможностью существования фей? Сердитое чувство наполнило ее грудь. Почему правдой оказались все самые

опасные существа из детских сказок? Почему не единороги, или говорящие цветы, или какое-нибудь другое дружелюбное существо? Почему они-то не могут быть правдой? Пиппа внезапно вспомнила слово из известной книги, которую она недавно прочла, из истории про девочку по имени Алиса.

– Это как мир в зазеркалье? – спросила она. – Страна чудес?

Элуиз скривила губы.

– Да, я тоже читала эту книжку, – ответила она. – Мне очень понравилась Червонная королева. Но, насколько я знаю, по сравнению с нашим другим миром Страна чудес похожа разве что на детскую шалость.

Пиппа на мгновение задумалась. Туда, в этот другой мир, получается, и увели Селину?

– А ты знаешь кого-нибудь, кто мог бы сказать, как отправиться в этот другой мир?

– У меня есть некоторые догадки, однако пока никаких точных доказательств. – Элуиз снова фыркнула. – И на твоём месте я бы не стала поддаваться любопытству. – Она покосилась в сторону входной двери. – И тебе лучше уйти.

Пиппа покачала головой.

– А туда можно отправить письмо? Или какое-нибудь послание?

– И чей адрес мы напишем на конверте? Титании? [18 - Титания – персонаж комедии Уильяма Шекспира «Сон в летнюю ночь», королева эльфов и фей в ирландском фольклоре.] Пака? [19 - Пак – пугающий людей лесной дух в скандинавской мифологии.] Или самого лорда Оберона? [20 - Оберон – король эльфов и фей, супруг Титании.]

Разочарование встало у Пиппы поперек горла, точно ком, который невозможно проглотить. Справиться с негативными эмоциями было гораздо сложнее в компании Элуиз.

– Я хочу убедиться, что у Селины все в порядке, – сказала Пиппа. – Хочу убедиться, что она и правда отправилась туда по собственной воле.

– Тут же так и написано: что у нее все хорошо. Что не нужно пытаться ее отыскать. Не нужно задавать никаких вопросов. – Элуиз уставилась на Пиппу немигающим взглядом.

– Однако разве было бы там написано что-нибудь другое, если бы с ней случилось нечто ужасное? Разве ее похитители не хотели бы как раз того, чтобы никто не пытался ничего разузнать про Селину? – Пиппа чуть было не схватила ладони Элуиз в свои, но вовремя остановилась. Что-то подсказывало ей, что девушке не понравится, если к ней прикоснутся без спроса. – А что, если Селину заставили написать это письмо? А что, если один из этих... фейских созданий держит ее взаперти?

– А что, если... а что, если... а что, если! – проворчала Элуиз. – Mira [21 - Посмотри-ка (исп.)], я никогда не пойму ваш народ. Вечно вы ищете проблемы там, где их нет.

– Я просто хочу узнать, что случилось с подругой! – воскликнула Пиппа, невольно повысив голос. – Неужели так сложно это понять?

– Basta [22 - Хватит (исп.)], – сказала Элуиз, посуровев. – Я не церемонюсь с колонизаторами, которые кричат.

Щеки Пиппы вспыхнули.

– Прости, – шепнула она, проглотив желание продолжить кричать. – Я хочу... Мне просто нужно знать, что с Селиной все в порядке. Если с ней все хорошо, я не стану больше лезть в чужие дела. Неужели нет совсем никакого способа для нас найти какого-нибудь... курьера? – Уже произнеся это слово вслух, Пиппа поняла, как глупо оно прозвучало. – Может, хотя бы кто-нибудь из Львиных чертогов сможет нам помочь?

– Кровопийцы из ковена Никодима не станут помогать тебе в подобном деле. Между демонами ночи и теми, кто купается в свете, нет теплых чувств. – Элуиз задумчиво склонила голову набок, а потом добавила: – Но, полагаю, ты могла бы попросить помощи у их адвоката. Моя мама говорила, у него есть связи в

Сильван Уайль.

При упоминании Арджуна Десая Пиппа невольно сделала резкий вдох. Многие из недавних проблем каким-то неведомым образом приводили ее как раз к этому язвительному юристу. Куда бы Пиппа ни отправилась, он появлялся из тени, чтобы поделиться своим непрошеным мнением. Даже во снах она не могла избавиться от его насмешливой улыбки и колких комментариев. Не могла забыть, как лунный свет блестит в его орехово-карих глазах... Разумеется, она понимала, что все это означает. Однако последним, что ей нужно в свой предсвадебный вечер, было внимание кого-то, лишённого здравого смысла.

Одна лишь мысль об этом выводила из себя. Злила.

– Я отправила как минимум пять сообщений Арджуну, – сказала Пиппа сухо. – Он не ответил ни на одно из них.

– Тогда ты получила ответ. Быть может, следует подождать лучших времен. – Элуиз потянулась к ручке на синей двери. – Или, быть может, тебе следует, как говорится, не будить лихо, пока оно тихо.

Паника внезапно охватила Пиппу, заставив ее затаить дыхание.

– Я не могу ждать, – выпалила она, не подумав. – Мне нужно узнать правду сейчас же. Я хочу поговорить с Селиной, пока еще не поздно.

И снова Элуиз с любопытством склонила голову набок.

– Слишком поздно для чего? – поинтересовалась она.

Пиппа выругалась себе под нос. Она не собиралась произносить эти слова вслух.

– Я... – начала она, пытаясь придумать правдоподобное объяснение. – Мне нужно попросить Селину об одолжении.

– О каком?

Ну, разумеется, Элуиз захотела узнать больше. Поведение Пиппы нынче было подозрительным как никогда. Она прибежала к закрытию магазина, чтобы попросить одолжения у... исчезнувшей девушки?

- У меня день рождения через три дня, - продолжила Пиппа, сжав край поплиновой [23 - Поплин - разновидность прочного шелка.] юбки цвета нефрита. - И у меня в этот день свадьба.

Элуиз с любопытством вскинула брови и скрестила руки на груди.

Щеки Пиппы покраснели. Ее снова захлестнули негативные эмоции, как это бывало каждый раз, когда она ощущала себя загнанной в ловушку. Ей внезапно стало жарко, и она начала перебирать пальцами воздух.

- Правда подарит тебе свободу, англичанка, - сказала наконец Элуиз.

«Правда?» - задумалась Пиппа. Ее правда была слишком страшной даже для нее самой. Она вспомнила совет учительницы по фехтованию, который та дала давным-давно. Госпожа Иган сказала, что Пиппе стоит перестать тратить драгоценное время на расчеты. Что нужно просто-напросто предпринимать самый непредсказуемый шаг, чтобы побороть соперника. Чтобы застать его врасплох и нанести победоносный удар.

- Я не хочу выходить замуж за своего избранника, - призналась Пиппа. - Он хороший молодой человек из глубокоуважаемой семьи. Свадьба - мудрое решение с моей стороны. Однако я не хочу выходить за него замуж, и мне нужно поговорить об этом с Селиной.

На лице Элуиз промелькнуло удивление.

- А почему же ты тогда не хочешь выходить за него замуж?

- Ему нельзя знать правду о том, кто я такая на самом деле, а мысль о том, что мне придется скрывать истинную натуру до конца своих дней... утомительна. - Как только Пиппа умолкла, она сама поразилась от этой правды.

– Claro [24 - Ну, разумеется (исп.)], – пробормотала в ответ Элуиз. – Как же все это... увлекательно. Англичанка, ты куда интереснее, чем я представляла. Я была уверена, что ты добрая и милая. Однако, оказывается, в тебе скрывается куда больше, чем кажется на первый взгляд. – Золотистый свет блеснул в ее глазах. – Так, скажи-ка мне, кто тот другой юный глупец? Тот, которого ты на самом деле желаешь.

Кровь вновь прилила к щекам Пиппы.

– Понятия не имею, о чем ты говоришь.

– Ой, que mentirosa [25 - Какая ложь (исп.)], – сказала Элуиз. – Знаешь, каждый способен врать. А вот чтобы сказать правду, нужно обладать смелостью. И вот ты и снова не такая уж и интересная. Доброго тебе вечера. – Она указала на дверь.

– А если я скажу правду, ты мне поможешь? – от отчаяния слова сами сорвались с губ Пиппы.

Элуиз усмехнулась.

– А с чего ты взяла, что я буду тебе помогать?

– Я могла бы... заплатить тебе.

Сухой смех взвился под деревянный потолок над головой Элуиз.

– Сначала скажи мне, кто он, а потом уж я решу, помогать тебе или нет.

– Это несправедливо, – запротестовала Пиппа.

– Ну не всегда же все должно доставаться только вашему народу.

Пиппа нервно сглотнула. У нее не было времени торговаться.

– Арджун Десай, – прошептала она сквозь стиснутые зубы. – Мне... нравится юрист Львиных чертогов.

Элиуз ахнула, а затем присвистнула.

– Как же тебе не повезло. – Ее улыбка растянулась от уха до уха. – Bueno [26 - Хорошо (исп.)]. Я тебе помогу.

Она согласилась слишком уж быстро, и Пиппа начала нервничать от этого лишь сильнее.

– Почему ты вдруг передума...

Элиуз цокнула языком, оборвав ее.

– Пойми, что я не работаю на тебя и не выполняю приказов, – сказала она. – Я тебе не подруга и не древний таинственный дух, который дает советы и наставления. Я готова предоставить тебе помощь, потому что это самое любопытное совпадение, которое я когда-либо встречала. А я в них не верю. – Она рассмеялась от своих же слов. – Похоже, время этириала пришло.

– Этириала? – переспросила Пиппа. – Что такое этириал?

Элиуз опять рассмеялась.

– О! Это и впрямь будет забавно. Собирай вещички, англичанка. Мы начинаем путешествие.

– Путешествие? – Пиппа удивленно отпрянула назад. – Куда мы поедем?

Элиуз ее проигнорировала и зашагала к длинному деревянному прилавку справа от них, на котором располагались пузырьки и бутылочки с ароматами, саше и сушеными цветами в чистеньких льняных мешочках. Обогнув прилавок, она замерла у маленького шкафчика в углу, из которого затем вытащила летний жакет и гобеленовую сумку, в которой что-то гремело, точно монеты или какой-то металл. Элиуз остановилась, натягивая легкий коричневый жакет, и посмотрела на зеленый наряд Пиппы. – У тебя есть какая-нибудь одежда,

которая не напоминает цветы на весеннем лугу?

- Нет. - Пиппа поправила поплиновую юбку, которую некогда отдала ей донашивать кузина. Одну из многих, на самом деле. - А что? Куда, во имя господ бога, мы отправляемся?

- Если я откажусь раскрывать эту тайну, ты уйдешь отсюда прямо сейчас же?

Пиппа задумалась, но отчаяние заставило ее опустить плечи.

- Нет, - сказала она побежденно.

- Я так и думала. - Снова губы Элуиз исказились в усмешке. Она опять окинула взглядом наряд Пиппы. - Ну что ж, полагаю, это урок, который ты должна уяснить самостоятельно.

- Что еще за урок?

- Скоро увидишь.

К добру ли эта встреча при луне

«СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ» [27 - Перевод М. Лозинского.], УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

Солнце зашло за горизонт Нового Орлеана. Только бледно-синеватое свечение все еще маячило у самого края, отказываясь подчиняться тьме. Куда бы Арджун ни отправился, звуки пробуждающегося города наполняли его слух: шепчущие в железных оправках газовые фонари, постукивающие по дорожной брусчатке подковы, пронизывающая горячий бриз музыка, стрекочущие хором цикады, а также шипящие в масле с теплыми специями морепродукты.

Будь это какой-либо другой вечер, Арджун, может, и остановился бы, чтобы послушать как следует и вдохнуть полной грудью. Новый Орлеан обладал завораживающими качествами, напоминающими ему Бомбей [28 - Бомбей - название индийского города Мумбаи до 1995 года.]. Даровал ощущение города, выступающего из джунглей, когда дикий мир словно делает одолжение, уступая место, листок за листком. Ощущение природы, угрожающей отнять дары в любую минуту, по любой причине и без всякого предупреждения.

Жизнь на грани.

Арджун любил это место так сильно, как не любил ни одно другое с тех самых пор, когда был еще мальчишкой.

Теперь он раздумывал, что ему может понадобиться в предстоящем путешествии. Талисман - золотой монокль, болтающийся на цепочке, прикрепленной к жилету, - был с Арджуном всегда, куда бы он ни отправился. Монокль позволял видеть цвет эмоций, кружащихся вокруг любого смертного перед ним. Злость или зависть, коварство или радость - каждое чувство обладает цветом, точно дым. Морок эмоций. Порой он был густым, а иногда - лишь проблеском чувств.

Моноклем Арджун дорожил больше всего. Талисман позволял ему вычислять истинные мотивы любого человека поблизости, что бы те ни говорили и ни делали. Монокль позволял увидеть то, что скрывалось в самом сердце.

Об одежде можно не беспокоиться. Жители Сильван Уайль порой интересуются модой смертных, однако они ненавидят созданные людьми ткани, если только это не чистейший шелк. В любом случае мать поможет Арджуну с любым необходимым нарядом. В последнее время при дворе фейри облюбовали моду, которая отдаленно напоминала Арджуну костюмы, в каких ходили в родной Индии его отца, что не могло не радовать.

Как только Арджун пройдет сквозь серебряный портал заколдованного зеркала и ступит из мира смертных в другой, больше всего его будет волновать гномий король и его непредсказуемые приказы, которые придется выполнять на протяжении шести недель, которые Арджун обещал провести у того на службе. Он вздохнул. Тогда ему казалось, что клятва службы в обмен на свою жизнь и жизни друзей была самой разумной идеей. Увы, но миниатюрный наместник

определенно воспользуется любой возможностью, чтобы пристыдить наполовину смертного сына генерала Рийи, начальницы отряда фейри-солдат, которых еще называют «серые мантии» за их форму, и главной охотницы Сильван Уайль, просто из вредности, и он ни за что не остановится.

Как часто говорили, между жителями Сильван Уайль и Сильван Вальд не водилось никаких теплых чувств. И по точности этой истины можно сверять часы.

Арджун снова вздохнул от собственных мыслей. Вероятно, ему нужно взять с собой хотя бы мантию. Зимний дворец Сильван Вальд не пойдет на пользу смертной части его сущности, той, которая ощущала холод до самых костей.

В конце концов Арджун решил, что важнее всего захватить документы. Книги. Записи, которые он вел каждый день, так что, если его память попытается околдовать какой-нибудь вампир или фейри, он хотя бы сможет воссоздать образ того, кем однажды являлся. Арджун много лет назад дал себе клятву, что не позволит никому поступить с ним так же, как некогда поступили с его отцом. Он не позволит отнять у него воспоминания о семье, как когда-то стерли из памяти отца самого Арджуна в жалостливой попытке уберечь обоих от страданий.

Арджун до сих пор помнил ту ночь до мельчайших подробностей. Помнил, что луна на небе цвета индиго выглядела больше, чем целая жизнь. Помнил, как тихий шелест пальмовых деревьев и мычание коров наполняли его слух, когда он засыпал. Помнил успокаивающий запах океана и топленое масло на кончиках пальцев, оставшееся от роти [29 - Роти – индийские хлебные лепешки.], которые он съел. Отец позвал его спокойным голосом. Он сказал, что Арджун должен пойти с матерью. Сказал, чтобы Арджун никогда не забывал, как сильно они друг друга любили. Сказал, что у них обоих одинаковые карие глаза, а значит, они всегда видят одно и то же небо, и неважно, в каком мире.

– Необъятна как небо и глубока как океан, – сказал ему в тот день отец. – Такова моя любовь к тебе. – А затем он нарисовал киноварью точку сыну на лбу. Она называлась тилака и должна была защищать его от всех неприятностей.

Арджун нахмурился, замедлив шаг, когда знакомый страх побежал у него под кожей. Тот самый, что пробирался в душу каждый раз, когда он отправлялся в

мир фейри. Когда он впервые прибыл в Сильван Уайль, это ощущение было невероятно сильным. Тогда он был всего лишь семилетним мальчишкой, которого увели из родного дома в Бомбей только часом ранее. До той страшной ночи Арджун даже не знал, что его мать была фейри, тем более не представлял, что она являлась одной из самых почитаемых воительниц в своих землях.

Он прибыл следом за матерью в Сильван Уайль, держа ее за руку, полностью доверяя ей. Арджун сожалел, что не знал тогда: теперь это место станет его домом. Теперь он будет жить среди фейри с постоянным жутким ощущением, будто шагает по канату, натянутому над пропастью с кольями. Постоянно будет думать о том, что при малейшей ошибке с его стороны защита, гарантированная ему высоким генеральским статусом матери, будет отнята у него в мгновение ока. А все, что случится следом, будет сложным, болезненным и страшным.

Если Арджуну не удавалось не попадаться на глаза недоброжелателей, то он становился игрушкой в руках придворных фейри Сильван Уайль. Именно такая судьба веками поджидала многих ничего не подозревающих смертных и полукровок, попадающих в Летнее королевство. Несмотря на то, что Арджун был сыном высокопоставленной особы и сам являлся своего рода придворным, любой мог его использовать – сыграть над ним злую шутку, какую только желал, что довольно часто случалось, когда он был маленьким мальчишкой. Его могли заставить петь до тех пор, пока не потеряет голос, или же плясать, пока не сотрет ноги в кровь, или носить еду и напитки, пока не рухнет и не уснет от изнеможения так, что, казалось, никогда больше не проснется. Не говоря уже о более коварных вещах, которыми любили наслаждаться члены свиты леди Силлы, правительницы Сильван Уайль. О них Арджун не мог заставить себя подумать даже сейчас. Именно поэтому он и покинул Летнее королевство, променяв его на мир смертных, когда мать позволила ему сойти с пути, который сама же для него и избрала. Быть может, ее имя и защищало Арджуна от жестокости других фейри, когда он был еще ребенком, однако в этом нельзя было быть уверенным теперь, после того, как он отрекся от своего места среди них ради жизни в мире смертных.

Арджун внезапно замер на углу улиц Бьенвиль и Руаяль, их названия были написаны лазурными буквами на старой потрескавшейся плитке под ногами. Жан-Батист Ле Муан де Бьенвиль являлся одним из основателей Нового Орлеана, окутанного французской историей городка, который он некогда отнял у испанцев, которые, в свою очередь, отняли территории у коренных жителей, чье наследие теперь давно кануло в Лету.

Арджун уставился на перила из кованого железа, ограждающие фасад жилого здания через дорогу. На элегантный металл, изогнутый в форме цветов и лоз с шипами.

Есть еще две вещи, которые ему стоит взять с собой в путешествие. Вещи, которые он редко носил с собой, потому что фейри вокруг него могли учуять их запах, и запах этот приводил их в бешенство. Однако эти две вещи могут гарантировать, что волшебные собратья Арджуна не станут приближаться к нему, если покровительство матери по какой-то причине не сработает.

Да. Ему нужно раздобыть железное украшение и железные пули, прежде чем отправиться в путь.

Что изменится, отложи он путешествие на несколько минут, если эти несколько минут могут гарантировать ему безопасность?

Арджун Десай, как никто другой, знал, что важнее всего подготовиться к любому возможному развитию событий. Он сделает остановку, чтобы достать эти две вещицы из тайного сейфа в своей комнате. Может, стоит даже захватить парочку серебряных пуль – на всякий случай.

Ибо вампиры были не менее опасными, чем фейри. И такими же коварными.

И уж точно такими же смертоносными.

Все страньше и страньше!

«ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ В СТРАНЕ ЧУДЕС», ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ

– Стой! – воскликнула Элуиз секунда в секунду.

Застигнутая врасплох, Пиппа оступилась в тот самый момент, как Элуиз схватила ее сзади за юбку в попытке остановить, когда Пиппа потянулась к

ручке двери. По тьме коридора жилого дома разнесся звук рвущейся ткани.

- Э-эй! - Рассерженная, Пиппа повернулась к Элуиз, готовая одарить ее всеми проклятиями, какие только мог в это мгновение припомнить ее вспыхнувший гневом разум.

- De nada [30 - Не за что (исп.)], - сказала Элуиз, дернув Пиппу снова, на этот раз чтобы помочь ей восстановить равновесие и встать ровно.

- Что, прости?

- Ты чуть не прикоснулась к зачарованному замку. Не за что, а точнее, пожалуйста, ведь я только что спасла тебе жизнь.

- Спасла от чего? - прошептала Пиппа. - Что мы вообще здесь делаем?

Элуиз уперла руки в бока.

- Что ж, полагаю, я уже и так заставила тебя достаточно долго ждать. Мы стоим у дверей квартиры, где проживают Шин Джейк и... - она сделала паузу, и на губах у нее появилась дьявольская усмешка: - Арджун Десай.

- Чего?!

Улыбка Элуиз стала еще шире.

- И снова пожалуйста, англичанка. Кто не хочет разузнать тайны, которые скрывает ее любовник за дверями своей спальни, верно?

- Он не мой любовник, - пронзительным голосом возразила Пиппа, чувствуя, как кровь быстрее побежала по телу. Нервы были уже на пределе. - И с чего ты вообще решила, что я соглашусь на...

- Мы с матерью давно подозревали о том, что в этой квартире спрятано телепортационное серебряное зеркало. Ты же сама сказала, что хочешь разыскать подругу в мире фейри. Или ты просто llena de mierda [31 - Досл. «полна дерьма» (исп.) - в значении «навать с три короба».]? - поинтересовалась

Элуиз беспристрастным тоном. Сделав паузу, она огляделась. – А теперь не возражаешь, чтобы я принялась за работу, пока нас кто-нибудь здесь не застукал?

– Не следует нам тут находиться, – проворчала Пиппа. – Это все неправильно.

– Если ты не можешь осмелиться даже на такую безобидную кражу, то тогда у тебя уж точно нет *conjones* [32 - Яиц (исп.)] на то, чтобы отправиться в мир фейри. – Говоря это, Элуиз присела на корточки перед медным замком на запертой двери и начала вытаскивать инструменты из своей гобеленовой сумки.

– Может, лучше подождать, пока они вернутся домой? – предложила Пиппа.

– Да, разумеется, просто вежливо спросим. Уверена, что наемный убийца-вампир и адвокат-этириал позволят нам воспользоваться их магическим зеркалом.

– О боже. – Пиппа вздохнула. Несколько секунд она еще наблюдала за тем, что делает Элуиз, а потом вытащила две шпильки из волос и наклонилась над замком. – Ты все делаешь неправильно. Надо...

Элуиз шлепнула ее по руке до того, как та успела дотронуться до двери.

– Да чтоб тебя! – возмутилась Пиппа. – Чего ты меня бьешь?

– Со?о, веди себя тихо.

– Я пыталась помочь.

– Ты раньше взламывала замки? – Элуиз изогнула брови.

– Ну, ненарочно...

– И чем это отличается от взлома?

– Тем, что это были замки в моем доме.

Элуиз с любопытством посмотрела на Пиппу.

– А ты все продолжаешь удивлять. Однажды тебе придется рассказать мне свою историю. – Затем она что-то прошептала и подула на медную замочную скважину, расположенную над такой же дверной ручкой. Металл тут же вспыхнул красным цветом в темноте так, словно его сунули в раскаленную печь, и на его поверхности показались странные символы.

Пиппа охнула, и ее изумленный возглас разнесся по темноте, царящей вокруг них.

– Поэтому ты не хотела, чтобы я прикасалась к замку? – уточнила она.

– Меня всегда надо слушаться, – ответила Элуиз. – Если бы твои пальцы коснулись замка или хотя бы приблизились к нему, то у тебя бы остался ожог, а мысли спутались так, что ты, скорее всего, не смогла бы в течение недели вспомнить даже собственное имя.

– Что?

Проигнорировав тревогу Пиппы, Элуиз начала сыпать вокруг дверной рамы что-то похожее на хорошенько измельченную соль. Когда соляная пыль коснулась пылающего замка, тот вдруг начал мерцать и тускнеть. Встревожившись еще сильнее при виде магии, Пиппа прикусила губу и оглядела лестницу. Справа от нее висели горшки с ветвями папоротника, которые покачивались над изящными перилами из кованого железа. Запах жимолости и раскаленного металла ударил ей в нос, тут же напомнив об аромате лета.

– А почему вы с матерью подозреваете, что в квартире господина Десая есть зеркальный портал? – тихо уточнила Пиппа.

Используя припасы из своей сумки, Элуиз теперь начала сооружать нечто, напоминающее тонкую цепочку из серебряных и железных звеньев.

– Мать сказала мне, что Арджун Десай развел небольшой садик у себя на балконе. У него там растут травы со всего мира, какие сложно найти где-либо у нас, в Луизиане. Мы с матерью полагаем, что он принес все эти травы через

заколдованное зеркало, если только у него нет тайной тяги к садоводству, конечно. – Элуиз снова подула на мерцающие символы, охраняющие входную дверь, и те словно сфокусировались, став отчетливее и ярче. Самодовольная улыбка расцвела на губах Элуиз, когда она узнала знаки, выгравированные на пылающем металле. – Что бы они ни прятали за этой дверью, она защищена от непрошенных гостей. – Она продолжила медленно дуть на запертый замок. На нем появились новые символы, и их голубовато-белое свечение затрепетало от ее горячего дыхания, будто бы она вышла из тепла в холодную зимнюю ночь. – Тут очень сильные заклинания. Похоже, работал Зохре. – Она принялась. – Этот глупый колдун просто не может не пометить свою работу. Точно псина, которая ссыт на дерево. – Элуиз рассмеялась. – Хорошая новость заключается в том, что я, полагаю, знаю, как сделать амулет, способный ослабить действие этих чар. – Она окинула взглядом всю дверь снова, а затем вытащила из сумочки несколько маленьких стеклянных пузырьков, наполненных чем-то напоминающим сухие ягоды, желуди и скрученный чертополох, а еще иголку с шелковой нитью.

Пиппе все это казалось чересчур сложным, в голове невольно появился вопрос: зачем Элуиз так старается? Она не похожа на человека, жаждущего всем помочь.

В груди у Пиппы зародились подозрения.

– А почему ты мне помогаешь? – спросила она.

Элуиз даже не оторвала глаз от работы.

– У меня на это две причины. Во-первых, потому что я выросла с Сен-Жерменом. Сказать по правде, он, Майкл Гримальди, и я были неразлучны в детстве. Поэтому я хочу выяснить, куда Себастьян делся и почему. – Она начала сшивать маленький амулетик. – А во-вторых, что даже более важно, если в этой квартире есть зеркальный портал, то я смогу шантажировать членов Львиных чертогов, чтобы мне позволили его использовать.

– Но ведь чтобы добиться этого, ты их разозлишь.

– Они меня не тронут, – возразила Элуиз. – Иначе разозлят каждого бокора [33 - Бокор – жрец в магии вуду.] и каждую каплату [34 - Каплата – жрица в магии

вуду.] и всех хунганов [35 - Хунган – священник в магии вуду.] в городе. Моя мать является единственным человеком на этом берегу Миссисипи, который способен создавать талисманы, защищающие от солнечного света. И, кроме того, ты же понимаешь, как удобно путешествовать через всю планету быстрее, чем варится кофе? – С этими словами она пришила сушеные ягоды к металлической цепочке.

Пиппа моргнула.

– Чего?

– Только вообрази! – Элуиз откусила нитку, а затем начала привязывать к амулету что-то напоминающее сушеную ежевику, и в созданном узоре показалась закономерность. – Сколько потребовалось времени, чтобы переправиться из твоих земель чая и пышек к нашим благоухающим берегам? А теперь представь: с зеркальным порталом ты могла бы перебраться за один день.

«Лидия и Генри».

Неужели такое и правда возможно? Неужели Пиппа и правда сможет вернуться в Ливерпуль, чтобы забрать младших брата и сестру от тети скорее, чем она могла рассчитывать?

– А почему ты раньше не пыталась разузнать, действительно ли есть тут волшебное зеркало или нет? – не сдавалась Пиппа.

– Потому что мать спустила бы с меня шкуру, если бы узнала, чем я прямо сейчас занимаюсь. А если нас поймают кто-нибудь, кто не привык прощать других, то я свалю всю вину на тебя. Миленькую англичанку с васильковыми глазами и пышными ресничками можно простить даже за убийство. – Она покосилась на Пиппу, и в глазах у нее промелькнула усмешка. – И да: спасибо тебе за то, что подарила мне оправдание, которое я так долго искала, чтобы послушаться старших. – Одним уверенным движением Элуиз оборвала последнюю нитку с новенького амулета. – Ну давай, англичанка, – сказала она и повесила Пиппе на шею цепочку из серебряных и железных звеньев, точно над золотым крестиком, который подарила ей бабушка в детстве.

– Он чешется, – пожаловалась Пиппа, опустив подбородок, чтобы посмотреть на узор амулета, который изобразила на металлической цепочке Элуиз. – Это... шипы?

– Уж лучше они тебя поцарапают, чем ты получишь ожоги от огня. – На этот раз из гобеленовой сумки Элуиз достала пузырек с каким-то черным песком. Она вытащила пробку из флакона, а затем насыпала медный замок черной пудрой. Металл задымился, а потом замок щелкнул, отворившись. Довольная собой, Элуиз собрала подол юбки и через ткань повернула все еще теплую дверную ручку. Как только дверь распахнулась, она отскочила назад, точно ожидая нападения.

Пиппа охнула и спросила:

– Что ты делае...

Но договорить не смогла – без предупреждения Элуиз толкнула ее за порог квартиры.

Поток наэлектризованного воздуха пробежал по коже Пиппы, отчего ее плечи содрогнулись, а зубы застучали. Электричество словно пробрало до костей, отчего все нервы в теле разом пробудились, вынудив волосы встать дыбом. Точно Пиппа прошла по поверхности солнца.

– Во имя господа бога, что происходит? – закричала она.

– ?Callate! [Зб - Замолчи (исп.).] – отругала ее Элуиз. – Ты что, хочешь, чтобы весь дом тебя услышал? Пожилая леди, что живет внизу, славится в округе репутацией почтового голубя. Она распространяет информацию лучше, чем холера убивает бедняков.

– Зачем ты так поступила? – возмутилась Пиппа, все еще чувствуя, как невидимая энергия покалывает кончики пальцев.

– Я не была уверена, что амулет сработает на меня, – беспристрастным тоном сказала Элуиз. – Да и если кто-то покалечится, уж лучше пусть это будешь ты, чем я. Я не заинтересована в том, чтобы уберегать тебя от боли за свой счет.

- Я не прошу уберегать меня от боли, - сказала Пиппа. - Я не такая уж и хрупкая.

- Но все говорит об обратном.

- Надо было предупредить, что собираешься меня калечить!

- Надо было слушать меня внимательнее. Я же сказала: лучше пусть тебя поцарапает амулет, чем ты получишь ожоги от пламени.

- Ты знаешь, что я имела в виду. - Пиппа нахмурилась. Ей до сих пор было не по себе. - Следовало предупредить меня до того, как толкать внутрь вот так.

- Если бы я тебя предупредила, ты бы начала сомневаться, - ответила Элуиз, собирая пузырьки и складывая их обратно в гобеленовую сумку. - Ты всегда выглядишь сомневающейся. А сомневаться тем, кто вламывается в чужой дом без приглашения, нельзя. Кстати об этом, пригласи меня.

- Нет ничего плохого в том, чтобы обдумывать свои решения. - Однако слова Элуиз глубоко задела Пиппу. Когда она была маленькой, то вечно во всем сомневалась. Она тянула время, избегала каждой мелочи и не могла даже решить, с чем хочет сегодня съесть на завтрак горячий тост. Именно поэтому преподавательница Пиппы по фехтованию вечно пыталась убедить ее действовать спонтанно во время поединков. - А зачем тебе приглашение, чтобы войти?

- Со?о, ты одна из самых надоедливых людей среди всех, кого я только встречала. - Элуиз закатила глаза. - Я не могу просто так пересечь порог квартиры - сработают защитные чары. Кто-то, кто уже внутри, должен меня пригласить. - Она многозначительно уставилась на Пиппу, нетерпеливо стуча носком ботинка по деревянному полу.

Какая-то часть Пиппы хотела заставить ее ждать подольше.

Элуиз усмехнулась.

- Если ты меня не пригласишь, - сказала она, - то, могу поспорить, не продержишься и пяти минут до того, как все твои кишки вспыхнут пламенем,

когда ты прикоснешься к чему-нибудь, к чему прикасаться нельзя.

– Пожалуйста, входи, Элуиз, – пробормотала Пиппа сквозь стиснутые зубы.

– Спасибо. – Даже получив приглашение, Элуиз переступила порог квартиры с такой настороженностью, будто бы шагала по опасному хрупкому льду. Она внимательно посмотрела на газовую лампу, стоящую на столе рядом с дверью, а потом наконец удовлетворенно кивнула и зажгла ее спичкой. Лампа вспыхнула, отбрасывая тень, которая чем-то напоминала пирамиду на оштукатуренной стене.

Тревога завладела душой Пиппы. Они же только что вломились в чужой дом! Когда она в последний раз в темноте забрела туда, куда не следовало, случилось несчастье. На секунду она вспомнила, как языки пламени пожирали шторы у письменного стола ее отца. Как она тарасилась, окаменев, понимая, что будущего теперь не избежать. Что сделано, то сделано.

Это правда, что Пиппа Монтроуз натворила немало глупостей в жизни, однако она все-таки ни разу не врывалась в чужой дом без приглашения. Такое поведение было неподобающим, особенно для будущей госпожи Девере.

– А ты знала, – брякнула она, – что самая большая пирамида в мире находится вовсе не в Египте? – Как только слова сорвались с ее языка, она тут же пожалела о них. Это была детская привычка Пиппы, которая проявлялась, когда она нервничала, – вспоминать непонятные и нелепые факты. Воспитание отца избавило ее от этой привычки к двенадцати годам. И странно, что внезапно старый недостаток дал о себе знать теперь, именно в эту ночь, в компании этой чудной дерзкой девчонки.

– О-о? – Элуиз в очередной раз изогнула брови. – И где же находится самая большая пирамида в мире?

– В Мексике.

– Поразительно, – хмыкнула Элуиз. – Но пока ты делишься со мной бесполезными фактами, пожалуйста, поищи заодно и зеркальные поверхности, которые могут привлечь взгляд или выглядеть необычно. Чаще всего отражение в порталах размывается, если взглянуть на них под правильным углом. – Она подняла

зажженную лампу повыше, чтобы огонь рассеял окружающую их тьму и позволил им хорошенько оглядеть квартиру.

Пиппа чуть не вскрикнула, когда свет лампы отразился в окне напротив.

– Ты всегда была такой жуткой трусихой? – усмехнулась Элуиз.

Гнев снова подкатил к горлу Пиппы.

– Я вовсе не трусливая! И если бы ты знала, что я сделала ради того, чтобы быть там, где я сейчас, ты бы ни за что не обозвала меня так. – Она сделала паузу, чтобы взять в руки серебряное блюдо, подумав, не скрыто ли в нем тоже какое-нибудь колдовство.

– О-о-о, а это на самом деле очень даже интересненько, – протянула Элуиз, подняв лампу еще выше. – Давай расскажи мне, что ты сделала. Я крайне редко ошибаюсь.

Пиппа открыла было рот, но потом передумала и закрыла. История ее жизни – история ее семьи, впавшей в немилость в Англии, – и всего того, что она сделала, чтобы обезопасить родных, никак не касалась Элуиз.

– А ты знала, что перевозчики в Лондоне обязаны сдать экзамен перед тем, как им будет разрешено работать за деньги? – сказала Пиппа вместо этого. – К экзамену им приходится порой готовиться годами, потому что необходимо изучать все улицы и дороги в городе, в которых заключена огромная история.

Элуиз рассмеялась.

– Достойная попытка сменить тему. Однако меня не так-то просто сбить с толку. Рассказывай, что ты сделала, чтобы оказаться там, где ты сегодня.

Она подошла к спальне, которая располагалась справа от них, и толкнула дверь, которая была слегка приоткрыта.

Пиппа выпрямила спину.

– Извини, но я не обязана ничего тебе доказывать.

– Извини, но это не я тут заявляла о своей храбрости, – бросила через плечо Элуиз в ответ. – И пока, насколько я вижу, ты просто-напросто симпатичная копилка бесполезных фактов.

– А я не говорила, что смелая. Я только сказала, что не трусливая.

– ?Со?о! – Элуиз посмотрела на Пиппу и снова закатила глаза. – Все равно, кем бы ты ни была, заканчивай с этим, потому что последние два часа я наблюдаю за девчонкой, чьи сомнения доведут ее до смерти, особенно если она продолжит бродить по миру демонов и монстров. Рискуй, англичанка. Без риска жизнь совершенно скучна.

«Рисковать?» – Пиппа не обладала способностью наслаждаться риском, как это делали другие юные девушки вокруг нее. С самого детства она вела себя осторожно. Все просчитывала. Она не такая, как Селина, которая, кажется, притягивает к себе опасности, точно магнитом. Однако Пиппа и не трусиха. Вся ее жизнь в последние месяцы состояла из сплошных рисков. И если у нее хоть что-то где-то не получится, то она никогда больше не увидит своих младших братика и сестренку.

«Что я творю? – подумала она. – Почему я вообще здесь?»

Ответ был прост: когда Пиппа Монтроуз любила, то любила она всем сердцем. А Селину Руссо она любила как родную сестру. Пиппа устала игнорировать свои чувства, хотя еще больше устала от того, как игнорируют ее чувства другие.

Небеспричинная обида вспыхнула в груди Пиппы, и сердце тут же забилось чаще. Ею начал завладевать гнев. Гнев, с которым она пыталась совладать на протяжении нескольких недель. Она так старалась быть той девушкой, которой должна. Девушкой, которую хотела в ней видеть бабушка. Которая всегда контролирует эмоции и не позволяет им принимать за нее решения, как делал ее отец. Он принимал все чувства близко к сердцу. Слишком уж близко.

Погрустнев, Пиппа направилась в угол комнаты, объятый густым мраком, подальше от неустанно болтающей Элуиз. Пиппа позволила эмоциям разгорячить ее кровь, чувствуя, как они разливаются до самых кончиков

пальцев. Отпустила их вместе с медленным выдохом, избавляясь от негативных эмоций, как от горстки песка. Пиппа заботливо сжала висящий у нее под горлом золотой крестик в руке, нечаянно коснувшись пальцами и теплого металлического амулета, который дала ей Элуиз. Пиппа крепко стиснула крестик в ладони и безмолвно помолилась о покое и помощи.

Когда кровь в жилах Пиппы снова утихла, она открыла глаза и увидела, что Элуиз, окутанная светом лампы, наблюдает за ней с другого конца комнаты.

– Ты ничего обо мне не знаешь, – сказала Пиппа теперь уже спокойным осторожным голосом. – Я отказалась от всего, чтобы оказаться здесь. И я не пыталась сбежать. Я только пыталась построить лучшее будущее для себя и всех тех, кого я люблю. Я считаю, что любой, кто отказывается от всего ради возможности найти что-то получше, смел. Смелее, чем ты только можешь себе вообразить.

Элуиз подняла лампу так, чтобы они могли получше видеть друг друга. Впервые с тех самых пор, как Пиппа постучала в дверь парфюмерного магазинчика, Элуиз смотрела на нее с откровенным восхищением в глазах.

– Хотя я до сих пор думаю, что ты жалкая трусиха, ты не так уж плоха, Пиппа Монтроуз. – Элуиз ухмыльнулась. – Кстати, напомни-ка мне свое полное имя? Если не ошибаюсь, оно куда длиннее.

Пиппа вздохнула.

– Филиппа Френсис Джейн Монтроуз.

– Филиппа Френсис Джейн Монтроуз. – Элуиз фыркнула. – Звучит как имя, в комплекте с которым должно идти что-то вроде «миледи» или «герцогиня», или еще какой-нибудь похожий бред. Хотя мне всегда нравилось имя Филиппа.

Элуиз совершенно случайно оказалась слишком близка к правде, и это вызывало некоторое беспокойство.

– Мне всегда больше нравилось, когда друзья называют меня Пиппой, – сказала она. – Мать звала меня Филиппой.

– Так даже лучше, потому что мы же на самом деле не друзья, верно? – Элуиз медленно повернулась, и свет лампы в ее руке блеснул на чем-то огромном на дальней стене, неподалеку от другой спальни. Белая простыня скрывала предмет, однако когда девушки пригляделись, то увидели серебряный краешек. – О-о-о! Вот ты где. – Элуиз направилась было к магическому зеркалу, но внезапно замерла на полпути, и глаза у нее округлились.

Только тогда Пиппа услышала. Звук заставил ее оцепенеть.

За входной дверью квартиры слышались шаги. С каждой секундой они становились все громче и громче. Двигались вверх по ступенькам и точно на этот этаж. Приближались к двери этой самой квартиры.

– Что нам теперь делать? – прошептала Пиппа, встревоженно охнув.

Элуиз задула пламя лампы.

– Прячься, Филиппа Френсис Джейн. И молись.

Лес обшарен до конца

«СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ», УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

Арджун понял, что что-то не так, в ту самую секунду, когда его рука опустилась на дверную ручку его квартиры.

Металл оказался теплым.

А это могло означать только одно: кто-то – или что-то – недавно находилось поблизости. Однажды, не так уж давно, Арджун обнаружил ссохшиеся останки мухи с обугленными крылышками на полу у порога квартиры, и металл дверной ручки тогда еще пульсировал от заклинания, охраняющего квартиру.

Если неприятель действительно притронулся к заколдованной ручке, то на ладони у него остался ожог, а мысли затуманились, путая сознание. Это происходит с любым существом, которое попытается попасть в квартиру без приглашения.

Миссис Банкомб, пожилая вдова, живущая в квартире этажом ниже, заметила подобный ожог на своей руке перед прошлым Новым годом. К счастью, она решила, что схватилась за раскаленную сковородку и забыла об этом, иначе о странном колдовстве знали бы уже все, ведь эта женщина была известной разносчицей сплетен. И это не говоря уже о том, что миссис Банкомб постоянно подозревала как Арджуна, так и Джея в гнусных поступках, соответствующих, по ее мнению, их иностранному происхождению.

Вера миссис Банкомб в тех, кто не преклонялся перед господом богом, была такой же иллюзорной, как ее набожные моральные качества. Странно, однако. Насколько Арджун слышал, Иисус Христос был человеком милостивым по отношению к тем, кому требовались помощь и защита. Он всегда даровал самым слабым самую большую любовь.

Увы, бог Иисуса Христа был не тем богом, которому на самом деле поклонялась миссис Банкомб. По ее мнению, лучшими иностранцами были те, кого отправляли обратно к своим берегам, и неважно, какая участь их там могла поджидать. Неважно, если они или их дети умрут там от голода, войн, болезней или несправедливости – грустно, конечно, но это не ее проблемы.

Арджун до сих пор тайком злорадно наслаждался каждой ее жалобой на то, что он выращивает на балконе травы. Те самые, запах которых будто бы возвращал его обратно в детство, хотя Бомбей находился через полмира от него. Запах которых дарил ему приятные воспоминания. Воспоминания, которые возрождали Арджуна к жизни, наделяя надеждой даже в самые темные времена. После того как миссис Банкомб обожгла себе руку о дверную ручку их с Джемом квартиры, Арджун предложил ей заживляющую мазь, сказав, что та творила чудеса с ожогами в его «мелкой деревушке».

На самом же деле он просто дал ей ароматизированный крем... смешанный с голубиными экскрементами.

Арджун усмехнулся себе под нос. В течение нескольких недель эта старая расистка каждый день перед сном втирала птичье дерьмо в руки.

Порой самые простые вещи приносили ему больше всего радости.

Арджун замер, распахнув дверь и войдя в темноту квартиры. Он стоял неподвижно и тихо некоторое время, оглядывая все вокруг. Несмотря на то, что от тревоги у него волосы встали дыбом, ничего не выглядело подозрительным. А поддаваться паранойе было бы глупостью. Арджун не увидел и не услышал ничего необычного. Разумеется, его органы чувств не были такими же утонченными, как у вампиров. Джей был способен учуять кровь непрошеного гостя с другого конца комнаты. А этириал вроде Арджуна, хоть и был быстрее и сильнее, чем любой простой смертный, все же никогда не будет обладать талантами чистокровного фейри. Сказать по правде, это был факт, который немало печалил его в детстве.

Арджун выдохнул. Звук его дыхания разнесся по пустой квартире. Несмотря на то, что комнаты были просторными, они не обладали никакими дизайнерскими излишествами. В середине располагалась гостиная, а по бокам от нее две одинаковые спальни. Небольшое кухонное пространство было обустроено у стены справа от Арджуна, а рядом стоял кирпичный камин. Дверь комнаты Джея была закрыта – как истинный вампир, он вообще редко возвращался домой, особенно после покушения на штаб-квартиру их ковена, произошедшего уже почти месяц назад. Теперь Джей предпочитал спать днем на верхнем этаже отеля «Дюмейн», где временно обустроили убежище вампиры Львиных чертогов.

Напротив спальни Джея, ближе ко входу в квартиру, Арджун видел дверь в свою комнату, которая была слегка приоткрыта – именно в таком виде он сам ее и оставил. Ни Арджун, ни Джей не пользовались гостиной, и старенькие книги на полках вдоль дальней стены стояли нетронутыми. Единственным, что еще бросалось в глаза, были каллиграфические свитки Джея и статуя Ганеши, индийского бога всех начал, которую отец подарил ему в тот самый вечер, когда мать увела Арджуна в Сильван Уайль и стерла память отцу. Еще, разумеется, стоит отметить узорчатое зеркало до самого пола, стоящее у стены рядом с кухней, чью старую, покрытую пятнами зеркальную поверхность скрывала белая шелковая простыня.

Может, просто миссис Банкомб заработала новый ожог сегодня, потому что, судя по всему, никто не пробрался на территорию квартиры. И все же Арджун отчего-

то не мог избавиться от странного чувства беспокойства. Словно за ним кто-то наблюдал издалека.

Наверное, виной всему тревога от мыслей о том, что ему предстоит в ближайшем будущем. Ему ведь следует радоваться тому, что всё на своих местах. Обдумав это, Арджун отправился в свою комнату, где взял записную книжку с самыми недавними заметками, в которых содержались подробные инструкции самому себе на случай, если его воспоминания в какой-либо мере будут повреждены. Он спрятал ее в нагрудный карман. Затем поправил волшебный монокль, а потом вернулся в гостиную и уставился на запертую дверь спальни Джея, задумавшись, не стоит ли заглянуть внутрь и проверить, все ли на месте. Просто на всякий случай.

Однако вампир-наемник явно не будет рад тому, что Арджун вторгся в его личное пространство. Органы чувств у Джея были даже острее, чем у любого другого вампира, каких Арджун только встречал в жизни. Да и лучше не рисковать хорошими взаимоотношениями. Поэтому в последний раз окинув взглядом помещение, Арджун подошел к огромному зеркалу, стоящему у стены.

Хотелось бы Арджуну, чтобы судьба Одетты Вальмонт не зависела теперь от него. Ноша подобной ответственности казалась ему почти что невыносимой. Было куда проще заботиться только о себе. Когда Арджуну исполнилось пятнадцать, он намеренно отказался от своего положения при дворе Сильван Уайль и переехал в Лондон, где начал изучать юриспруденцию в Кембридже. В течение следующих трех лет он не заботился ни о ком, кроме себя. И пусть крохотная частичка его души мечтала о большем, избранное им самим одиночество среди научных кругов вполне устраивало. Это было куда лучше, чем жизнь невольника среди черствых созданий Летнего королевства.

А потом, около года назад, Никодим Сен-Жермен пригласил Арджуна в Луизиану – помочь разобраться с юридическими делами его ковена, также известного в Новом Орлеане под именем «Львиные чертоги». Когда Арджун прибыл, его одновременно поразили как красота города-полумесяца, так и чувство, будто в пестрой компании кровопийц он почувствовал себя на своем месте. Впервые с тех самых пор, как Арджун покинул Бомбей, будучи семилетним мальчишкой, он почувствовал, что снова нашел родной дом.

До прибытия в Новый Орлеан Арджун понятия не имел, каково это – являться частью чего-то. Каково знать, что кто-то будет сражаться бок о бок с тобой при

любых обстоятельствах. Бессмертные в Львиных чертогах приняли Арджуна в свои ряды так, как жители Сильван Уайль никогда не принимали. Медленно, но уверенно Арджун обрел семью. Первую настоящую семью с тех самых пор, когда он потерял связь с отцом почти что двенадцать лет назад.

Это правда, что куда проще заботиться только о себе. Однако отец говорил, что верное решение обычно бывает сложным. А сложное обычно бывает праведным.

Будь он проклят за то, что опять оказался прав.

Арджун нацепил мантию поверх небольших ножен с железным оружием, повесил рюкзак на плечо и остановился перед зеркалом. Одним движением он смахнул шелковую простыню и замер, прежде чем отправляться сквозь серебряный портал в латунной оправе. Со вздохом Арджун вытянул перед собой правую руку и прижал ладонь к прохладной поверхности зеркала. Серебряное отражение начало мерцать от его прикосновения и пошло кругами от кончиков его пальцев, словно камешек бросили в озеро. Покалывание пронеслось по коже Арджуна, когда его рука утонула и прошла сквозь зеркало, а мир вокруг начал меняться, обращаясь в тот, который ждал его на другой стороне.

Сдаваясь в объятия судьбы, Арджун сделал шаг в зазеркалье и исчез.

Она всегда давала себе хорошие советы, хоть следовала им нечасто

«ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ В СТРАНЕ ЧУДЕС», ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ

За запертой дверью спальни Шина Джейяка Пиппа сжала руку Элуиз мертвой хваткой, прижав левый глаз к замочной скважине и наблюдая, как Арджун Десай просто входит в зеркало и исчезает!

Элуиз сжала руку Пиппы в ответ так сильно, что ей стало больно. Пиппа знала, что Элуиз скажет, ей не нужно было даже слышать слова. «Молчи, англичанка. Что бы ты ни увидела, молчи».

Серебряное зеркало продолжало мерцать даже после того, как проглотило Арджуна Десая целиком, будто бы его безликая фигура все еще мелькала среди теней или будто некое морское чудовище все еще сновало в темных волнах.

Несмотря на то, что Пиппа дрожала от изумления и ужаса реальности происходящего, ей удалось заставить себя стоять неподвижно еще целую минуту до того, как она подскочила на месте и распахнула дверь. Элуиз схватила ее за плечо, чтобы остановить, однако Пиппа вывернулась и бросилась через темноту комнаты к пульсирующему зеркалу.

– Оно его проглотило! – воскликнула Пиппа, задыхаясь от собственного удивления. – Как глоток воздуха или стакан воды.

– Я так и знала. – Шепот Элуиз вышел громким. Триумфальным. – Эти треклятые вампиры прятали телепортационное серебро все это время. Можно было бы подумать, что они хотя бы предложат нам им воспользоваться, учитывая все, что мы для них сделали за все эти годы. – Она прищелкнула языком. – *Criaturas ingratas* [37 - Неблагодарные существа (исп.)]. Серебро для путешествий... находилось у нас прямо в городе все это время!

– Чем отличается серебро для путешествий от тары? – Пиппа вспомнила слово, которое использовала Элуиз до этого.

– Серебро для путешествий соединяет места в мире смертных, а тара может еще и соединять земной мир с миром фейри, – пояснила Элуиз. – Сомневаюсь, однако, что кто-то из этих кровопийц настолько глуп, чтобы оставить настоящую тару вот так вот без присмотра. Это было бы наивысшей формой невежества, ибо им в принципе запрещено посещать мир фейри.

– Но почему?

Элуиз отмахнулась от слов Пиппы рукой.

– Много веков назад кровопийцы совершили какую-то ошибку, – сказала она. – И за это они были изгнаны в мир смертных.

– Какой ужас! – Пиппа задумалась на секунду. – Не иметь права вернуться домой...

– Кроме того, открытый портал-тара означал бы, что любое существо может использовать его в качестве прохода и беспрепятственно ходить туда-сюда. Это огромный риск.

– Я думала, ты уважаешь тех, кто рискует, – заметила Пиппа.

– Claro, – ответила ей Элуиз. – Ты бы до сих пор собирала фрукты и спала голая в пещере с пауками, если бы никто из нас не рисковал. Однако одно дело ставить на кон собственную жизнь. А рисковать целым городом, полным невинных... Тут уже совсем не риск. Тут глупость.

Пиппа продолжала внимательно всматриваться в мерцающую поверхность зеркального серебра.

– Тогда, получается, если это не портал-тара в другой мир, то куда же отправился Арджун Десай? – спросила она.

– Скорее всего, обратно в Лондон, где этому comemierda и место. – Элуиз подула на позолоченную раму все еще сверкающего зеркала, точно пытаюсь отыскать тайные чары на его поверхности, как делала, когда пыталась вскрыть замок входной двери. – А если судить по его наряду, то он определенно посещает Савиль Роу [38 - Савиль Роу – улица в Лондоне, издавна прославившаяся магазинами по пошиву мужской одежды.] куда чаще, чем полагается любому мужчине. – Никаких чар не обнаружилось, и Элуиз нахмурилась, задумчиво стуча пальцами по бедру. – Погляди на полу и вокруг рамы, – пробормотала она Пиппе. – Скажи, если заметишь что-нибудь необычное, – добавив это, она опустилась на колени, чтобы заглянуть за зеркало.

Савиль Роу. Селина рассказывала Пиппе об улице в самом сердце Лондона, известной талантливыми портными. Может, Селина сейчас в Лондоне? Может, они с Бастьяном прошли через этот самый портал и переправились через океан в мгновение ока? Может, они теперь прогуливались по Бонд?стрит [39 - Бонд?стрит – улица Лондона, известная своими элитными бутиками.] и пили чай в «Кларидж» [40 - «Кларидж» – пятизвездочный отель с рестораном в Лондоне.], пока Пиппа тут нервничала в одиночестве в этой сырой знойной тьме города-

полумесяца?

Лондон. Так близко от Ливерпуля. Так далеко – за целым океаном – от Пиппы.

Мысль о том, что этот портал может привести ее к братику с сестренкой по щелчку пальцев, одурманивала и соблазняла.

Проклятый прекрасный риск.

Нет, это неважно. Пиппа уже и без того несколько раз рискнула сегодня. Вопреки советам ее преподавательницы по фехтованию о том, что стоит действовать спонтанно, бывает куда лучше все обдумать и взвесить каждое решение с особой тщательностью. Бабушка Пиппы всегда говорила, что лучшим решением всегда является самое праведное, а сделать все, что в силах Пиппы, ради братика с сестренкой – обеспечить всем им светлое будущее – это самый праведный и богоугодный путь.

«Хватит с меня всего этого».

Пришло время Пиппе сдержать слово, данное Фобосу Девере. Пришло время выйти за него замуж и стать частью глубокоуважаемой семьи. Закончить шалости и вести себя подобающе новому уважаемому имени.

Однако если Пиппа могла исчезнуть в одну секунду, пройдя сквозь зеркало, разве не сможет она вернуться всего эту самую секунду спустя, ничего не упустив?

– Я буквально слышу, как шестеренки крутятся в твоей голове, Филиппа Френсис Джейн, – предупреждающе произнесла Элуиз, снова поднявшись на ноги и начав изучать свиток с черными письменами, висящий на стене рядом. – Я бы не стала так рисковать. Особенно если бы была на твоём месте.

И вот снова это слово. Риск.

Однако чем выше риск, тем больше награда.

– Что ты имеешь в виду? – пробормотала Пиппа. – Почему мне не стоит рисковать?

Элуиз фыркнула в ответ.

– Мы же вроде как уже выяснили, что ты трусиха, сомневающаяся во всем подряд. Однако в настоящий момент твое чувство... Какого черта, английская идиотка? – Элуиз бросилась к Пиппе, но не успела.

Она шагнула сквозь поверхность мерцающего серебра, даже не обернувшись.

?Que hostia! [41 - Какого черта (исп.).]

«МОЕ ЛЮБИМОЕ РУГАТЕЛЬСТВО», ПОЭМА ЭЛУИЗ ГЕНРИ

Будто тянущийся вечность миг Элуиз Генри смотрела на мелькающую тьму по ту сторону зеркала, наблюдая, как та рябит, словно водная гладь. Она не двигалась. Не мигала. И едва дышала.

Однако, со?о, она молилась.

Молилась Богу на небесах. Молилась Святому Духу. Святой Деве Марии. И всем святым. Молилась, чтобы англичанка появилась так же легко, как и исчезла. Чтобы ни единая блондинистая кудряшка, обрамляющая личико этой est?pida [42 - Дурочка (исп.).], не пострадала.

Минута прошла в полной тишине. Элуиз слышала только, как циркулирует в ее теле кровь и как быстро-быстро бьется сердце в груди. Она слышала стук колес карет по брусчатке за окном и размеренный топот копыт коней по дорогам.

«Сколько времени?» – задумалась она, изо всех сил пытаясь вернуться в свое беззаботное расположение духа.

Однако пальцы у нее все равно задрожали, когда она потянулась к маленьким часикам, спрятанным в кармане бежевой льняной юбки. Элуиз нащупала золотую вещицу и уронила бы ее, если бы не тонкая цепочка, прицепленная к поясу. Крепко сжав холодный драгоценный металл, она поддела крышечку большим пальцем, и звук щелчка распахнувшегося механизма разнесся эхом по густой тьме вокруг.

Половина десятого.

И снова глаза Элуиз переметнулись к магическому зеркалу, стоящему у стены напротив нее. Серебряная поверхность начинала тускнеть. При виде этого в любой другой момент можно было бы успокоиться, но только не сейчас.

– ?Que hostia! – громко выругалась Элуиз. – Будь. Все. Проклято. – Она спрятала часики обратно в карман юбки и развернулась. Ее глаза забегали из стороны в сторону, точно силясь отбиться от нарастающей в груди паники. – Basta, – приказала сама себе Элуиз. Она выпрямила спину. Поправила перед хлопкового жакета цвета шоколада и пригладила ворот.

«Хватит, – еще раз сказала она сама себе. – Хватит».

Она сглотнула, невольно сжав руки в кулаки. ?Miercoles! [43 - Досл. «среда» (исп.), однако из-за созвучия с испанским словом mierda («дерьмо») порой используется в качестве ругательства.]Теперь она сомневалась. Всего несколько мгновений назад Элуиз насмеялась над англичанкой как раз из-за этого. А теперь она сама колеблется. Окаменела от беспокойства. Ей нужно подумать. Однако сначала ей нужно убраться отсюда. Если вампир вернется и обнаружит ее спящей по его дому, ее шансы вернуться в парфюмерную лавку целой и невредимой будут равны шансам снежинки на выживание в пылающем аду. Элуиз никогда не встречала Шина Джейяка, однако слышала немало рассказов о его былой карьере наемного убийцы. Вампира-убийцы.

Элуиз чуть не фыркнула, будучи внезапно охваченной порывом своего темного чувства юмора. А разве не все вампиры являются убийцами? Вряд ли хотя бы кто-то из них ведет уроки в воскресной школе. И все же не было сомнений в том, что жажда крови Шина Джейяка превосходила жажду любого среднестатистического вампира. Мать Элуиз предупреждала ее, наказывая держаться подальше от хмурого вампира родом с Дальнего Востока, чья

бледная кожа была сплошь покрыта шрамами. Элуиз содрогнулась, вспомнив об этом. Мужчины, которые не любят улыбаться и вечно хмурятся, все равно что женщины, которые не любят поест. Ни тем, ни другим Элуиз не доверяла.

Разумеется, если вампир-наемник вернется в этот самый момент, Элуиз верила, что имя матери ее защитит. Как-нибудь. Но мать. Со?о. «Мама».

Мать Элуиз будет отчитывать дочь на протяжении нескольких часов, если прознает обо всем том, что произошло сегодня. Может, даже побьет тапкой, или веником, или еще чем-нибудь не менее пугающим.

Элуиз направилась было к двери квартиры, но замерла на полпути. Беспокойство пробежало у нее по позвоночнику.

А что насчет англичанки?

Хмурая складка пролегла на ее обычно гладком темнокожем лбу. Элуиз ведь не виновата в том, что эта дурная девчонка прошла через зеркало. Если с ней произойдет какая-нибудь неприятность, Элуиз в этом винить нельзя. Она даже предупреждала англичанку. Именно предупреждение она сказала последним!

Элуиз снова сделала шаг к зеркалу, мысленно приказывая тому показать ей, куда делась Филиппа Монтроуз. Когда Элуиз подошла, зеркало сверкнуло разок так, точно могло ощущать магию, циркулирующую в ее венах. А потом серебряная поверхность начала будто бы углубляться, и по краям показалась усеянная снегом кромка, тянущаяся ледяными щупальцами в разные стороны.

Беспокойство Элуиз усилилось, разливаясь по всему телу, точно кровавое пятно, пропитывающее ткань.

– Ты в опасности, англичанка, – сказала она зеркалу. – Беги, пока еще можешь.

Зеркало снова начало пульсировать.

– Со?о, – проворчала Элуиз. Ну что ж. Что теперь она может еще сделать? Только дурак сунется за девчонкой следом. А Элуиз Генри, может, обладала многими всевозможными качествами, однако глупости среди них не имелось. Она

подобрала подол юбки и направилась ко входной двери, еще раз оглянувшись через плечо, чтобы убедиться, что ни она, ни Филиппа Монтроуз ничего не забыли в квартире.

– *Vaya con Dios* [44 - Иди с богом (исп.)], – проворчала Элуиз, быстро помолившись за безопасное возвращение англичанки. Со стучащим в горле сердцем она вышла из квартиры и начала спускаться по лестнице, шагая беззвучно и спешно.

– Вы кто такая? – раздался настороженный голос на лестничном пролете этажом ниже, отчего мысленная молитва Элуиз прервалась.

Элуиз резко развернулась и увидела пожилую женщину, которая укоризненно на нее смотрела. Ее веки наморщились, пока она пыталась разглядеть Элуиз в полумраке.

Элуиз ее знала. Все темнокожие люди, живущие во Французских кварталах, ее знали. Миссис Мюриэль Банкомб, чей последний муж, если верить местным слухам, являлся основателем Рыцарей белой камелии [45 - Рыцари белой камелии – террористическая организация, существовавшая в южных штатах Америки в XIX в., боровшаяся за превосходство людей с белым цветом кожи.]. Богатый рабовладелец и генерал Конфедеративной армии недовольных белых солдат, юристов, редакторов и всех других, кто противился Реконструкции [46 - Реконструкция – период в конце XIX в. в истории США, когда после гражданской войны происходила отмена рабовладельческой системы.]. Арчибальд Дебланк.

Этот отряд разжигателей ненависти, как говорили, прекратил свое существование в последние годы, однако Элуиз верила этому так же, как верила в то, что южане сдались во время гражданской войны, то есть вообще не верила. Если бы ей пришлось делать ставки, она бы поставила на то, что их исчезновение было ничем иным, как новым тактическим ходом. Наверняка они снова соберутся с силами в ближайшие годы, как сорняк, который выживает на одних лишь чепухе и *braggadocio* [47 - Хвастовство (исп.)].

– Что ты здесь делаешь, девчонка? – поинтересовалась миссис Банкомб, неуверенно шагнув навстречу Элуиз. – Забрать белье для стирки?

Гнев вспыхнул в груди Элуиз. Он обжег ее достаточно сильно, чтобы процедить сквозь зубы:

– Именно для этого, missus [48 - Миссис (исп.)]. – Она подняла сумку, висящую на руке, чтобы та стала казаться больше, чем есть на самом деле.

– Что ж, тогда иди работай, – протянула миссис Банкомб. – И не мешкай.

– Разумеется, мадам. – Элуиз юркнула в сторону, еле сдерживая свою разгоряченную кровь.

Ей очень хотелось устроить скандал. Указать на то, что миссис Банкомб не имеет права принимать Элуиз за прачку. Как будто она не годится на что-то большее. Ее отец, Эммануэль Генри, был свободным человеком, построившим собственный успешный бизнес. Семья же ее матери славилась на все Карибские острова, а сама Валерия Генри умела и читать, и писать, и проклинать врагов на четырех разных языках.

Элуиз была образованной и состоявшейся. Однако все это не имело значения. Кожа у нее была слишком темной, а волосы слишком непослушными. Для женщин вроде миссис Банкомб девчонка вроде Элуиз годилась только в домработницы.

И снова чувство беспокойства вспыхнуло в груди Элуиз.

Она оставила Филиппу Монтроуз один на один со злой судьбой в мире, полном неслыханных опасностей.

Теперь Элуиз сомневалась. Опять. Она скривила губы, задумавшись. Может, это были вовсе не сомнения, а чувство вины?.. Шагнула ли бы англичанка с такой уверенностью сквозь колдовское зеркало, если бы Элуиз ее не подстрекала? Все то время, что они находились в квартире, Элуиз не упускала ни единой возможности, чтобы не рассказать, как она презирает всех тех, кто колеблется как простофиля, сомневаясь в том, что и как делать.

Ну вот. Элуиз чувствует себя виноватой. Нет, ей на это плевать. Это просто какой-то горьковатый привкус на языке. Но что она может сделать, чтобы все

это исправить?

Она задумалась, а не пойти ли в Львиные чертоги. Мать сказала Элуиз, что новая обитель ковена располагалась на верхнем этаже отеля «Дюмейн». Однако теперь Элуиз струсилась от одной лишь мысли, чтобы признаться в том, что она вломилась в квартиру Шина Джейяка и вторглась в личное пространство вампира.

Но может... Может... Элуиз снова задумалась.

Если она пойдет к детективу Майклу Гримальди, то он, вероятно, сможет ей помочь. Они ведь были близкими друзьями в детстве, а его семья вела свою родословную от плачевно известных лугару [49 - Лугару - волки-оборотни в луизианском фольклоре.]. От оборотней, которые воевали с подобными Никодиму Сен-Жермену и его ковену кровопийц на протяжении уже многих поколений.

Майкл уж точно поверит в историю Элуиз. Может, даже придумает, как ей помочь. А учитывая, что он недавно ненароком стал виновником смерти своего двоюродного брата Луки и накликать на себя проклятие своей семьи, он будет последним, кто станет отчитывать Элуиз за то, что она натворила. И как только она признается в том, что произошло, то сможет умыть руки и оставить юного детектива разбираться с проблемой, ведь он дал клятву служить и защищать жителей этого города-полумесяца. К тому же он куда больше подходит для этого дела, чем она сама. Да и в конце концов, может, Элуиз и подстрекала Филиппу Монтроуз рисковать, но она уж точно не приказывала ей шагнуть сквозь это зеркало без раздумий о том, чем все это может обернуться.

Да, точно. Теперь Элуиз знала, что нужно делать.

Все наконец-таки для себя решив, она крутанулась на пятках и отправилась в сторону Джексон-сквер.

В сторону главной штаб-квартиры городской полиции Нового Орлеана, чтобы поговорить с новым оборотнем Французских кварталов.

Мы все в стране чудес живем

«АЛИСА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ» [50 - Перевод?Т.?Щепкиной-Куперник.], ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ

Каждый раз когда Пиппа Монтроуз теряла бдительность, к ней возвращались воспоминания той жуткой ночи. Каждый раз когда ей было неуютно или печально, когда ее нерешительность не давала покоя до самого рассвета, события того вечера прокручивались в ее голове снова и снова.

«Что ты сделал, Ричард?» – кричала на отца мать.

«То, что было необходимо сделать», – отвечал он, и его спокойствие было пронизано запахом виски. И хотя Пиппа стояла за углом, скрываясь в тени, она все равно чувала алкоголь. Он пропитывал одежду отца так же, как отчаяние наполняет душу потерянного человека.

Паника в голосе матери стала отчетливее, когда она продолжила:

«Полицейский тебя искал. Будет официальный допрос».

«Да даже если и будет, ничего нельзя сделать, Эжени. Я уже поговорил с лордом Чемберленом. Корона не позволит, чтобы в подобный скандал был замешан придворный, – сказал отец Пиппы. – Я чертов герцог Ашмора. – Следом разнесся его громкий смех, сопровождаемый сухим кашлем. – Думаешь, меня упекут в тюрьму?»

«Мы будем уничтожены. – Мать рыдала. – Все узнают, что с нами стало. Страховщики требуют отчет обо всем, что произошло. Ты представляешь, что это означает для нашей семьи?»

«Ничего это не означает, – отмахнулся отец Пиппы. – Как и всегда».

«Ричард, я тебя умоляю...»

Пиппа выглянула из-за угла как раз в тот момент, когда мать бросилась к отцу и обняла его за шею.

«Пожалуйста! – взмолилась она. – Я прошу тебя, Ричард. Хватит. Мы не можем продолжать так и дальше».

Он отпихнул ее от себя, и на его бородатом лице промелькнули гнев и лень.

«У меня нет времени на весь этот бред, – сказал он. – Принеси мне что-нибудь перекусить. Я голоден».

«Сейчас ночь». – Мать снова начала рыдать, прижав к губам платочек.

«Тогда разбуди повариху».

«Повариху? – переспросила мать, и слезы потекли по ее щекам, пока она наблюдала, как ее муж, пошатываясь, направляется к серванту, чтобы налить еще виски. – Какую повариху? Она уволилась уже несколько месяцев назад».

Он проглотил алкоголь.

«Чертова неблагодарная сука».

«Мы не могли позволить себе платить ей и дальше. Да и с чего кому-то тут оставаться?»

Пиппа знала, что мать имела в виду. Она не произнесла эти слова вслух, однако они у всех были на уме: с чего и кому-то из нас тут оставаться?

«А почему, думаешь, я сжег всё к чертям? – заорал герцог Ашмора. – Страховка всё покроет».

Герцогиня закрыла лицо руками.

«Страховщики не станут продолжать закрывать глаза на подобное беззаконие. Кража драгоценностей – это одно, но теперь... ты стал еще и поджигателем?»

Ричард, они уже тебя подозревали. Они знают, что у нас дела плохи. Мы не можем...»

«Довольно! – закричал отец, развернувшись. – Я обеспечиваю нашу семью, а ты улыбаешься и молчишь. Так всегда было и будет». – Он выругался, нечаянно опрокинув подсвечник, когда пытался налить новый стакан.

Пиппа схватилась за угол стены. Куски потрескавшейся краски и штукатурки – доказательства запустения – посыпались из-под ее пальцев.

И вновь мать подскочила к мужу, умоляюще взглянув на него.

«Ричард, я прошу тебя...» – она вскрикнула, когда он ударил ее, отчего она потеряла равновесие и упала на старенький ковер под ногами.

Гнев подскочил к горлу Пиппы. Ошметки краски посыпались, словно снег, собираясь на дубовом паркете и изящных панелях – следах бывшего величия.

Герцог навис над женой, сжимая бутылку виски в руках.

«Я же сказал тебе оставить меня в покое! – закричал он. – Если ты и дальше будешь продолжать вести себя как надоедливая торговка, я прикажу доктору Ярдли отправить тебя в лечебный санаторий, чтобы мы оба могли насладиться покоем, какого жаждем».

Пиппа не могла вынести вида сдающейся матери. Отец никогда прежде не бил ее. По крайней мере, Пиппа подобного не видела. Однако много чего ее отец не делал прежде. И с каждым годом становилось все понятнее, что для него не было пределов. Если он отправит мать в санаторий, то Пиппа никогда больше ее не увидит. В этом она была уверена. Не говоря ни единого слова, она вышла из темноты и протянула матери руку, помогая подняться.

«Я отведу маму, Лидию и Генри к тетушке Имоджин», – заявила Пиппа.

Отец расхохотался, а потом проглотил остатки виски, которые были в стакане.

«Ты? – С его губ сорвался кашель. – Ты никуда не пойдешь без моего разрешения, Филиппа». – Он с грохотом поставил пустой стакан обратно в сервант.

«Мы не можем оставаться здесь, отец. По крайней мере, пока ты в таком состоянии». – Несмотря на то, что плечи у Пиппы дрожали, а колени подкашивались, она заставила себя стоять ровно и выглядеть на все свои шестнадцать лет.

«Ты будешь делать то, что я тебе говорю, чертова избалованная соплячка. – Он сделал шаг вперед, сжав руки в кулаки. – После того как я потратил кучу денег на твои уроки по рисованию, преподавателя по фехтованию и лучшую гувернантку в стране, ты будешь слушаться отца, Филиппа».

«Не буду», – сказала она, встав между матерью и отцом. Она чувствовала, как мать крепче сжимает ее за локоть, силясь утянуть дочь назад.

Однако Пиппа больше не хотела, чтобы мать заступалась за нее.

Пиппа даже не дрогнула, когда отец схватил ее за запястье и дернул ближе к себе, и его пьяное дыхание окатило ее лицо, из-за чего ее чуть не стошнило.

«Ты моя дочь, – сказал он. – И ты будешь делать так, как я сказал».

Пиппа задрожала, но приказала своему страху обратиться в гнев.

«Я больше тебя не боюсь, – ответила она. – Я забираю мать, брата и сестру, чтобы они были в безопасности. Если хочешь уничтожить себя, я не могу тебя остановить, однако не позволю забрать и их».

Он обнажил зубы, а потом без предупреждения дал Пиппе пощечину, звук которой разнесся эхом в тишине.

Пиппа прижала руку к щеке, ощущая горячее прикосновение отца, которое будто бы просочилось сквозь кожу и запульсировало вместе с сердцем. Ее охватило чувство стыда. Стыда, пронзившего до глубины души. Такого, от которого Пиппа не могла избавиться. Слезы выступили на глазах, однако она

продолжила смотреть на отца и заставила герцога Ашмора отвернуться первым.

Он вздрогнул, будто на короткое мгновение осознал, что натворил, а потом гневно нахмурился. Конечно, он был уверен в своей правоте.

«Я скорее сожгу этот дом к чертям вместе с нами, чем позволю кому-либо из вас меня послушаться». – И снова он схватил Пиппу за запястье, подтащив к себе так, чтобы грозно нависнуть над ней.

Она не показала паники, однако страх змейкой пробежал у нее по позвоночнику. Отчасти Пиппа искренне верила, что отец скорее сожжет семью заживо, чем позволит себе потерять главенство над ними.

«Ричард, – тихо проговорила за спиной Пиппы мать. – Пожалуйста. Остановись». – Она рыдала как раненое животное.

Отец сердито уставился на Пиппу, горло у него задергалось.

«Ослушаешься меня, Филиппа, и будешь заботиться о себе сама». – Его красные глаза буквально впились в нее.

Пиппа сделала глубокий вдох, пытаясь побороть слезы. Приказала им не катиться по щекам. Ей хотелось разозлиться достойно. Ударить отца по лицу и накричать на него за все, что он сделал, и за все, что не смог сделать. Он позволил родным все потерять, а сам напивался и играл в азартные игры и развлекался со шлюхами, уничтожая последние капли уважения общества к своей семье.

А теперь он еще и угрожал своим родным физической силой. За спиной раздались тихие шаги. Мать начала рыдать еще громче.

«Пиппа?» – растерянный и заспанный голос Генри прорвался сквозь жалкие стоны матери.

«Все в порядке, Генри», – ответила Пиппа спокойным тоном.

К ним подошла Лидия, ее светлые кудряшки растрепались, а нижняя губа дрожала. Она схватилась за штанину герцога, и новая волна страха окатила Пиппу с головы до ног. Если отец набросится на Лидию, Пиппа уже точно не сможет сдержать гнев. Либо ее, либо ее отца уведут тогда сегодня из дома в цепях.

«Папа, что случилось? – спросила Лидия. – Ты на нас сердишься?»

Пиппа не могла теперь не дрожать. Не могла больше себя контролировать. Своенравный вспыльчивый характер, который она унаследовала от отца, угрожал вырваться из клетки в любую секунду. Однако Пиппа не могла позволить гневу руководить ею. Как бы сильно она ни хотела ударить отца, она не могла поступить подобным образом на глазах у младших братика и сестренки. Генри было всего девять лет, а Лидии только-только исполнилось шесть. Пиппе и без того потребовалось немало усилий, чтобы скрыть от них все невзгоды.

С наигранным спокойствием Пиппа попыталась вывернуть запястье из хватки отца. Даже не глядя, она могла точно сказать, что завтра на ее коже будут синяки. Отец никогда прежде не бил Пиппу, но ему и не нужно было – она и так была напугана и чувствовала себя в опасности везде, где бы ни находилась. Пиппа была знакома с этим чувством с самого раннего детства, и она скорее отдаст жизнь, чем позволит брату с сестрой испытать на себе ту же участь.

Она продолжила в упор смотреть на отца, и все ее тело дрожало при виде тяжело вздымающейся груди герцога, которая поднималась и опускалась от едва контролируемого гнева. Стоит отдать отцу должное – он все-таки отпустил руку Пиппы, хотя так и не сводил с дочери глаз. Что-то кольнуло у нее в сердце. Когда она была совсем маленькой, отец носил ее у себя на плечах. Помогал достать до хрусталиков, украшающих люстру над головой. Читал ей вслух сказки. Звук его раскатистого голоса всегда приносил ей нескончаемую радость, что являлось точной противоположностью сегодняшнего страха.

Однако герцог Ашмора больше не был тем человеком из ее детства.

Пиппа взяла братика с сестрой за руки.

«Мы пойдем спать, ребятки, – сказала она. – Если будете вести себя хорошо, то я расскажу вам еще одну сказку». – Она улыбнулась, взглянув на них сверху вниз, пока ее злость тихо кипела внутри, умоляя выпустить ее на свободу.

Теперь Пиппа знала, что нужно делать дальше. Ее поступок вовсе не будет спонтанным. Нет, он будет тщательно обдуманным.

Это неправильно. Однако это самое праведное решение.

Как только воспоминание о том жутком вечере потускнело в памяти, Пиппе почудилось, будто она опускается в теплую ванну.

Заколдованная поверхность зеркала расступилась, приглашая Пиппу пройти сквозь себя. Будто занавес раздвинулся, являя взору...

Укутанный туманом лес. Он напоминал северные земли Англии или шотландские холмы, где провела юность мать Пиппы. Пиппа с облегчением выдохнула, опустив плечи и вскинув подбородок к пасмурному небу. Всё, как Элуиз и сказала. Серебряное зеркало перенесло Арджуна и Пиппу через Атлантический океан в мгновение ока.

Англия. Дом. Пиппа засмеялась, дивясь такому чуду, а затем развернулась так резко, что ее золотистые кудри хлестнули по лицу, а нефритово-зеленая юбка взвилась в знойном воздухе.

Знойный воздух?

Пиппа резко замерла. Конечно, в английской сельской местности изредка бывают знойные деньки, однако очень и очень редко. Ветерок же вокруг скорее напоминал южные берега Франции. Или итальянскую Ривьеру.

Однако никак не туманное английское болото.

Пиппа сглотнула. Оглядевшись по сторонам, она напряглась, и волоски у нее на шее встали дыбом.

Сам лес будто бы услышал ее мысли, и теплый воздух внезапно сменился резкой прохладой. Солнце спряталось за темную тучу и окутало все вокруг серой бледностью. Порыв ледяного ветра промчался по верхушкам деревьев, и эхо звящего стекла разнеслось следом, точно предупреждая Пиппу. Точно говоря:

«Всё совсем не то, чем кажется».

Пиппа обхватила руками плечи, обнимая себя, но зубы все равно уже стучали. Холодок развеялся, когда она сделала шаг, и температура, кажется, немного повысилась. Что-то блеснуло вдалеке, справа от Пиппы. Она повернулась, встревоженно прикусив нижнюю губу.

Как же странно. Листва выглядела так, будто была покрыта серебряной пылью. Будто бы ветерок нес крошечные алмазики на своих крыльях и распылял их повсюду.

Приглушенный стон раздался эхом в голове у Пиппы. Затем звук стал громче, напоминая жужжание, словно в уши затекла вода. На периферии зрения какой-то предмет пронесся по небу, летя ей прямо на голову.

Пиппа закричала, упав на колени и изо всех сил прикрывая голову руками. Жужжание резко стихло, и в следующую секунду слух пришел в норму. Несмотря на то, что теперь у Пиппы в ушах стучала кровь, она убрала с головы руки и огляделась.

Пара птичек летала в небе, купаясь в лучах белесо-золотого солнца, проглядывающего сквозь тучи на небе. Белоснежные голубки гонялись друг за другом и сладко щебетали.

Сделав вдох через нос, Пиппа снова поднялась на ноги и выпрямилась. Затем смахнула сухую траву и грязь с юбки, а потом невольно залюбовалась, как голубки в унисон опустили на ветку, усеянную миленькими розовыми цветочками. Одна из пташек наклонила голову, уставившись на Пиппу немигающим взглядом темных глаз. Пиппа сделала шаг ближе, замороженно рассматривая птиц. Она двигалась как загипнотизированная.

Пташки подвинулись ближе к ней. Заворковали в унисон. А затем затихли, потираясь друг о друга грудками.

А потом та, что поменьше, внезапно вырвала глотку партнеру.

Пиппа вскрикнула, когда мертвая голубка рухнула с ветки и ярко-красная кровь залила ее белоснежные перья, поблескивая точно гранат на солнце. Когда тело птички упало на покрытую мхом лесную землю, кончики ее перьев стали золотыми. Потом черными. А затем и вовсе начали ссыхаться на глазах.

Пиппа подняла глаза на голубку-убийцу, которая продолжала рассматривать ее сверху и чей серый клюв теперь был испачкан багровой кровью. Пиппа моргнула. В нос ей ударил запах, напоминающий чашку бергамотового чая с цитрусовыми нотками, вынудивший быстро заморгать от растерянности.

Будто бы в каком-то далеком закоулке сознания Пиппа вдруг услышала кричащий голос. Он напомнил... голос Элуиз?

«Ты в опасности, англичанка. Беги, пока еще можешь».

Пиппа снова резко моргнула, пытаясь не дать векам опуститься.

– Хватит! – выкрикнула она, ущипнув себя за руку, приказывая не засыпать.

Однако некая невидимая сила по-прежнему пыталась вынудить ее потерять сознание. Пиппа крутанулась на месте, собираясь вернуться обратно сквозь волшебное зеркало, через которое и пришла сюда.

Однако там ничего не было. Ни намека на зеркальную поверхность или какой-либо портал. Пиппа снова развернулась, озираясь, и страх сдавил сердце, растекаясь по венам. Аромат бергамота стал ярче, тяжелее, словно усилился от ее страха. Пиппа стала шарить рукой сквозь толстый слой мха, надеясь, что портал находится на том же месте, просто она его теперь не видит.

Что-то просвистело рядом с ее ухом, напомнив жужжащую пчелу. Пиппа снова испуганно вскрикнула, когда это что-то с глухим ударом врезалось в дерево за ее спиной. Она оглянулась, и ее глаза испуганно заметались из стороны в сторону. Внезапно она почувствовала, как что-то оцарапало ей щеку и упало на землю в нескольких шагах, на расстоянии брошенного камня. Пиппа смогла рассмотреть дрожащие на ветру перья.

Стрела.

Кто-то пускает в нее стрелы.

О боже. Кто-то пытается ее убить!

Но где же она оказалась? В какой-то кошмарной версии английской сельской местности? Среди холмов Шотландии, где царствует беззаконие?

Пиппа бросилась бежать, прежде чем ее разум придумал всему оправдание. Прежде чем ее охватила паника, обездвижив и парализовав, словно лань, оказавшуюся под прицелом охотника.

Новая стрела просвистела в воздухе.

От отчаяния Пиппа чуть не закричала. Почему в нее стреляют? Что она могла натворить плохого всего за две минуты пребывания в этом месте? Может, решили, что Пиппа нарушает чужие границы. Если она остановится и попытается все объяснить, то, может быть...

Она оступилась как раз в тот момент, когда очередная стрела вонзилась в дерево справа от нее.

Когда Пиппа упала на землю и подняла глаза...

То увидела пчел размером с ее корги, Королеву Елизавету, парящих в ветках над ней. Их круглые тельца покрывал поблескивающий полосатый мех.

– Во имя всего святого, что происходит? – вскричала Пиппа, и паника охватила ее с новой силой.

Запах бергамота снова окутал ее. Она почувствовала, как ускользает, теряет сознание, а жужжащие пчелы тянут ее вниз, в бездонную глубину.

Постарайтесь. Будьте безупречны

«СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ», УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

Арджун прислонился к стволу березы, росшей на краю Великого зала, в самом сердце Летнего королевства Сильван Уайль. Как и всегда, на его лице было выражение полнейшей скуки. Выражение, которое он учился изображать годами.

Тоска. Абсолютная тоска. Еще будучи мальчишкой, Арджун выяснил, что любая другая эмоция может привлечь нежеланное внимание. А учитывая сложную задачу, которая стояла перед ним сейчас, ему было очень важно привлекать как можно меньше внимания.

Если не задумываться, то сразу на ум приходили лишь три лекаря Сильван Уайль, обладающие достаточными навыками, чтобы пробудить Одетту Вальмонт от смертельного летаргического сна. Однако это не означало, что хотя бы один из них согласится помочь вампиру, а уж тем более кровному отпрыску Никодима Сен-Жермена.

Один из этих лекарей так вообще без зазрения совести презирал всех, кто не являлся полнокровным фейри Летнего королевства. Арджун выяснил это на собственном опыте. Ему не хотелось вспоминать эту историю, потому что она навевала воспоминания о том, как он упал с дерева в десять лет. Воспоминания о сломанных костях, которые необходимо было срывать. О проглоченных слезах и жестоких нравоучениях матери.

Арджун невольно вздрогнул, и фантомная боль пронзила его правую ногу, точно лезвие ножа.

Двух других лекарей, возможно, и удастся убедить помочь, если предложить им взамен что-нибудь... соблазнительное.

Арджуну не хотелось думать о том, что такого им можно посулить. Аппетиты фейри не прекращали его удивлять. Время, проведенное за изучением

юриспруденции под руководством прогрессивных членов британского общества, позволило Арджуну узнать тонкости человеческой природы. Жаль, однако, что те же исследования нельзя было применить к фейри или какому-нибудь вампиру.

Да это и не так важно. Арджун обещал своей названной семье помочь Одетте. И ради нее он сделает все, что от него потребуются. Он уже попытался разузнать, где можно отыскать этих двух лекарей-фейри, и выяснил, что один из них приглашен на сегодняшний банкет в честь помолвки лорда Вири и гранда Сюджи. Только по этой причине Арджун рискнул сунуться к королевскому двору и зайти так далеко от более-менее безопасных приозерных земель его матери.

Над головой Арджуна, на верхушке возвышающегося, словно башня, дуба собрались гигантские пчелы. Их размеренное жужжание разносилось вибрацией по веткам, которые переплетались, напоминая сводчатый потолок церквушки, а их осенние листья поблескивали как витражи на окнах. У ног Арджуна стелился ковер из клевера, и его зеленый аромат тянулся по воздуху, смешиваясь с запахами зачарованного леса. Янтарь и мед. Ягоды морошки и вино.

Арджун прислушался к лениво сплетничающим придворным фейри, чьи перешептывания были пронизаны скандалами и пороками. Кто что с кем натворил... и в насколько компрометирующей позе. Какой лорд был замечен в объятиях какой-то леди. Или гранда. Или сразу двоих. Кого-то застукал партнер. Может, даже пожелал присоединиться. Или рассердился настолько, что потребовал поединка на рассвете.

– Его запястье до сих пор не зажило от ранения, полученного на дуэли, – сказала фейри с бронзовой кожей, заостренными ушами и вздернутыми уголками глаз цвета фиолетовых ирисов. Ее звали Ратана, если Арджун правильно помнил. Ее старшая сестра, Синора, однажды подошла к нему на вечеринке и пригласила его на свидание у сверкающих вод озера Люр. Когда же он отказал, она заколдовала его кожу, придав ей такой же оттенок, как глаза Ратаны.

Поэтому тоска всегда была своего рода мантрой для Арджуна. Как бы ни болело сердце, как бы ни кипела кровь. А она кипела, причем постоянно. Арджун Десай никогда не забывал обиды, как не забывал он и все детали каждый раз, когда кто-то – в особенности фейри – становился причиной его бед. И неважно, что Арджун то и дело казался жалким. В конце концов, он ведь был фейри лишь наполовину. Ничтожность стала для него вроде сахара, что добавляют в чай по

утрам.

И в каком-то смысле это было сладко.

Ратана сделала паузу, чтобы глотнуть вина из позолоченного кубка, и искусно расшитый рукав ее наряда взвился по воздуху, повторяя ее движения.

– Печально, – добавила она, – ибо этот дурак обладал весьма талантливыми пальцами.

Намек в ее словах вызвал смех вокруг.

Арджун вздохнул. Очередная дуэль. Обычный день при дворе.

Кодекс дуэлянтов с недавних пор вошел в моду среди придворных Сильван Уайль. Как это обычно бывало, фейри оказались заинтригованы происходящим в земном мире. Особенно их интересовала религия, ибо они не верили в подобные вещи, а еще не понимали людских понятий вроде социального превосходства. А вот честь и героизм веселили их больше всего, как и человеческие идеи относительно морали, которые очень часто противоречили друг другу.

В землях Уайль были придворные, которые одевались как мужчины, однако ненавидели титул «лорд». По тому же принципу некоторые предпочитали женские наряды и презирали звание «леди». Вместо этого их называли грандами, и никто не высказывался против. Подобное вызвало бы громкий скандал в лондонском обществе. В Бомбее же у Арджуна был кузен, чьи предпочтения не склонялись ни к женскому роду, ни к мужскому. Даже в обществе Вест-Индии, где бок о бок сосуществовало много конвенций, включая религиозные, Арджун ни разу не слышал, чтобы кто-то из членов семьи высказывался негативно о кузене.

Внешний мир, разумеется, был совсем другой историей.

Знакомые англичане не стали бы вести себя так же благосклонно и принимать подобное, как родные Арджуна, даже если бы это был кто-то из семьи. Традиции многих западных верований часто вызывали у Арджуна смятение, потому что они, похоже, существовали в мире черно-белых тонов, где не было места для

любого вида толерантности. У них существовал единый бог, а верующие обязаны были либо поклоняться ему, либо получить клеймо еретика. Однако можно было просто помолиться смертному сыну господу, чьи плоть и кровь пожирали в качестве ритуала у алтаря. Бастьян был католиком, как и Одетта с Гортензией. Арджуну это казалось логичным, потому что эта религия, по его мнению, идеально подходит для вампира.

В индуизме же, религии отца Арджуна, было бесчисленное число божеств. Отец смирился с существованием фейри – и называл их якшами [51 - Якша – природные духи в индуизме.], – утверждая, что это не противоречит вере и что в мире есть тайны куда древнее, чем человечество только может себе вообразить. Будучи семилетним ребенком в городе Бомбее, Арджун пытался следовать вере отца. Однако чаще ему это не удавалось. Он слишком быстро терял терпение. Слишком сильно жаждал получить материальные блага. Впрочем, во всем этом была и некая красота – нужно лишь знать, куда смотреть.

Увы, эта религия приносила Арджуну в детстве и немало печалей, когда, например, отец узнал, что новый друг Арджуна Саид был приверженцем ислама. На следующий день Арджуну запретили общаться с ним. Арджун так до сих пор и не забыл, что вера отца отняла у него друга.

В этом плане мир фейри был куда более лояльным и прощающим.

Быть может, в каждом мире существуют противоречия, везде что-то одно чрезвычайно кому-то важно, а что-то другое совсем не имеет значения. Арджун не мог не думать, что было бы куда лучше, если бы каждый просто занимался своим делом и позволял остальным людям быть теми, кем они желают быть; молиться тем, кому они желают молиться; и любить тех, кого они желают любить.

– А по какой причине началась дуэль? – поинтересовался у леди Ратаны лорд с черной, как эбонитовое дерево, кожей, придав своему голосу притворную непринужденность.

– Кто знает? – Ратана наморщила нос и поправила локон длинных темных волос за острым ушком. – Да и какая разница? Если кровь и слезы пролиты в процессе. А если на горизонте маячит смерть, так еще лучше.

И снова все рассмеялись.

Арджун закатил глаза к потолку из дубовых веток Великого зала.

Смерть вызывала огромное любопытство у бессмертных. Ибо несмотря на то, что они могли жить вечно, это не означало, что так действительно будет. Если бессмертному угодить прямо в сердце оружием из чистейшего железа или отрубить голову железным клинком, то даже самые искусные лекари не смогут залечить подобную рану.

Арджуну казалось, что придворным понадобилась всего пара недель на то, чтобы адаптировать людскую традицию дуэлей под себя и начать вызывать каждого на поединок по любому пустяковому случаю. Когда официальный вызов брошен, дуэлянты должны встретиться на рассвете следующего дня в долине Гильдии фейри, вооружившись пистолетами с железными пулями. Многие придворные наряжались ради подобного случая и делали из этого целое событие, сопровождаемое банкетом с яствами, будто из рога изобилия, и хрустальными графинами, наполненными винами, какие даже бога Бахуса заставили бы пристыдиться. Чаще всего, однако, пули не поражали ни одного из дуэлянтов. Изредка один или же оба идиота оказывались оцарапаны железной пулей, а их кожа опалаялась и чернела от раны. Насколько сейчас мог припомнить Арджун, только один раз до сегодняшнего дня фейри погиб на дуэли, когда металл попал глупцу прямо в сердце, отчего тот скукожился и обратился в ссохшийся кожаный мешок.

В центре сплетен обычно находились сексуальные эскапады Летнего королевства. В отличие от Лондона, или Нового Орлеана, или Бомбея, в Сильван Уайль к наслаждению относились просто, без всяких ограничений. Свадьбы игрались не только между мужчиной и женщиной. Любые два рода могли объединиться, если того желали... и если один из них не принадлежал Зимнему королевству.

Разумеется, это ставило под вопрос толерантность правительницы Сильван Уайль относительно отношений Селины с Бастьяном. Сказать по правде, Арджун ума не мог приложить, почему леди Силла вообще позволяет единственной дочери якшаться с вампиром, однако он готов был поспорить, что дело тут было вовсе не в великодушии. Придворные в Сильван Уайль редко вели себя благосклонно без причины. Арджуну достаточно будет пальцев одной руки, чтобы сосчитать, сколько раз он встречал фейри, которые обладали добротой и

порядочностью.

Когда дело касалось романтических увлечений с иноземцами, при дворе всегда случались самые серьезные скандалы. Заключать союзы с кем-то на стороне дозволялось, однако сначала необходимо было получить письменное разрешение от обеих сторон. А его, понятное дело, редко кто мог получить. Подобные бессмысленные распри, а также сопровождающие их скандалы и драмы только укрепили убеждения Арджуна, которые он возвращал в душе годами.

Любовь создана для глупцов, к которым Арджун Десай точно не относится.

Он понял, что на губах у него зарождается усмешка. Эмоция, отличная от скуки.

«Тоска, – напомнил он сам себе. – Абсолютная тоска».

Странно, что фейри так уважительно относились к брачным союзам. Обряд, как это называлось в Сильван Уайль, считался одним из самых значимых событий в жизни любого придворного. Наверное, потому что это было одним из немногих событий в жизни бессмертных, обладающих хоть каким-то качеством постоянства.

Членам придворной свиты разрешалось жениться и выходить замуж лишь единожды за всю жизнь. Каждый мог иметь сколько угодно любовников, однако второй раз заключать формальный союз было запрещено, даже если супруг умирал.

– Так-так-так. И что это у нас здесь? – проворковал за спиной Арджуна голос, заглушая шум празднества.

Арджун даже не обернулся.

– Говоришь как злодей из плохо написанной мелодрамы, – сказал он. – Как придурок, поглаживающий усы.

– Усы? – Силуэт вышел из тени на свет, каждое его движение было плавным, а длинные серебряные волосы развевались за спиной.

- Это такие волосы на лице, которые растут над губами у джентльменов.

Лорд Вир, точно змея, плавно подошел ближе, внимательно глядя на Арджуна серыми глазами.

- Это стильно? - поинтересовался он.

- Если тебе нравится ощущать привкус ужина глубокой ночью, то да.

- Шутки шутишь.

- Я? Да ни в жизнь. - Арджун натянуто улыбнулся Виру. Его сарказм часто раздражал фейри, потому что они сами не могли откровенно лгать. Этот факт приносил Арджуну немало радости, ведь ложь была одним из немногочисленных преимуществ, которыми он обладал, будучи этириалом.

Глаза Вира сузились.

- Что ты здесь делаешь, дворняжка? - спросил он, и бриллианты на его ушах сверкнули. - Никто при дворе по тебе не скучает.

- Поверь мне, эти чувства взаимны.

- Если ты пришел искать друзей, то они не здесь, - продолжил Вир. Его длинная мантия цвета слоновой кости поблескивала, а туфли с вышивкой напоминали те, какие носили махараджи в Раджастане. - Этот гадкий кровопийца, Себастьян Сен-Жермен, и дочь леди Силлы, леди Селина, покинули дворец. Не спрашивай у меня, куда они отправились, ибо и сам знаешь, что мне нет до них никакого дела.

- Я не за ними пришел.

- Разве они не твои друзья, полукровка? Разве они не члены твоего маленького... королевства?

Вздыхнув, Арджун повернулся лицом к Виру.

– А тебе-то что? – поинтересовался он. – Не в твоём стиле проявлять любопытство к чужим делам.

– Разве выглядит так, будто мне интересно? Я просто-напросто пытаюсь вести вежливую беседу с низшим существом. Недавно я пришел к выводу, что дружелюбие мне даже идет. Изредка.

Арджун улыбнулся, будто насмеялся над не по годам развитым ребенком.

– И все же... – протянул он. – Все эти вопросы... Неужели тебе уже наскучила супружеская жизнь? – Он окинул взглядом толпу. – Где, кстати, фейри, чья несчастная судьба теперь переплетена с твоей?

– Мы с грандом Сюджи идеальная пара, – прошипел Вир. – Им нравятся те же вещи, что и мне.

– А ненавидят они те же вещи, что и ты? Ведь это на самом деле куда важнее для крепкого союза.

Морщинка в форме V образовалась на лбу у Вира.

– А тебе-то откуда знать? – поинтересовался он. – Тебе, ненавидящему обряд с самого детства.

– Мне необязательно принохиваться к дерьму, чтобы знать, что оно воняет.

Бледное лицо Вира порозовело.

– Если бы я мог прогнать тебя из королевства, я бы так и поступил. Если бы мог изгнать в Сильван Вальд, в крепость из острого, как бритва, льда, то изгнал бы. Если бы мог...

– Если бы я мог дать тебе пощечину железной перчаткой, я бы дал. Если бы я мог привязать тебя к столбу и оставить на съедение гончим псам наших охотниц, я бы оставил. – Арджун усмехнулся. – О, погоди-ка. Ты уже однажды так поступил со мной, когда нам было по девять лет.

– Одно из величайших сожалений всей моей жизни в том, что гончим не позволили закончить охоту.

Усмешка Арджуна стала шире.

– Давай расправимся с любезностями, Вир. Необъятно, как небо, и глубоко, как океан. Таково мое презрение к тебе.

Вир открыл было рот, однако потом заметил что-то за спиной у Арджуна и так ничего и не сказал, просто поджал губы.

– А я уж начал наслаждаться нашей остроумной беседой. – Арджун насмешливо вздохнул. – Моя мать прибыла? – Он повернулся. – Или правительница Сильван Уайль? Полагаю...

– Моему партнеру не нравится, когда я насмехаюсь над теми, кто ниже меня по статусу, ради спортивного интереса.

У Арджуна отвисла челюсть – это была редкая несдержанная эмоция, которая буквально на секундочку появилась на его лице. А затем он разразился смехом.

– Неужели ты нашел одного из немногих придворных, у которых есть душа?

– Гранд Сюджи обладают добром и великодушием.

– Иными словами, тебе легко ими манипулировать.

– Нет, – неподалеку раздался мягкий голос, напоминающий журчащий ручей. – Я не считаю, что мною можно легко манипулировать, лорд Арджун, как не считаю и глупостью веру в то, что наши возлюбленные способны завтра стать лучше, чем они были вчера. – Вьющиеся ткани цвета закатного неба пронесли по клеверу, когда гранд Сюджи с длинными иссиня-черными волосами, волнистые пряди которых доходили до самой талии, подошли и остановились рядом с лордом Виром. – Спустя много лет я начинаю верить, что в нескончаемой жестокости нет никакого смысла. И надеюсь, что со временем лорд Вир со мной согласится.

Сомнения пролегли складкой на лбу у Арджуна.

– Тогда искренне желаю вам удачи, гранд Сюджи, – сказал он.

Сюджи поджали губы.

– Этот интерес смертных к удаче сбивает меня с толку. Вера в наших любимых является куда более сильным идеалом, на который стоит полагаться.

Арджуну очень хотелось злорадно пошутить. С трудом, но ему все же удалось сохранить молчание, натянув на лицо выражение, которое, как он хотел верить, хоть немного похоже на серьезность.

– Не утруждай себя беседами со всяким сбродом, любовь моя, – сказал Вир, взяв Сюджи под руку. – У этого полукровка нет желания становиться лучше. Ему нравится жизнь одиночества и отстраненности, он хочет быть один веки вечные.

– Нет ничего плохого в одиночестве, – сказал Арджун. – И я не считаю себя отстраненным. Сказать по правде, я впервые за много лет чувствую себя... частью чего-то. – Его мысли понеслись к Львиным чертогам, к своей названной семье в проклятом Новом Орлеане.

Покой от этой мысли наполнил душу Арджуна. Может, любовь не для него, однако он кому-то да важен. Чьи-то жизни он сделал лучше. У него есть место и цель. И он обязательно найдет лекаря для Одетты и никогда больше не ступит на земли Сильван Уайль снова, если только обстоятельства его не вынудят.

В глазах Вира блеснул кровожадный огонек. Точно у львицы, заметившей раненую жертву. Арджун чуть было не ударил сам себя, когда все осознал. Он наболтал лишнего. Он ведь знал, что нельзя вот так открываться, особенно перед одним из самых жестоких членов королевского двора. Будучи членом Гильдии фейри – тех, кто считался самыми уважаемыми жителями Уайль, – Вир получал величайшее удовольствие, наказывая тех, кто искал его похвалы. А что насчет тех, кто искал, как его послушаться?

Они таким образом становились отличными мишенями.

– Что ты здесь делаешь, Арджун Десай? – спросил Вир. – Хотя раз в жизни скажи правду. Тебе не нужно бояться... несвоевременного наказания. – Он наклонился ближе к Арджуну, и гранд Сюджи нахмурились.

– Дорогой? – произнесли Сюджи. – Может, нам лучше навестить наших гостей?

– О-о-о, ну, разумеется, любовь моя, – ответил Вир, не глядя на своего партнера. – Я просто-напросто желал узнать причину, по которой знакомый из моего детства решил прибыть ко двору на празднование нашей помолвки сегодня.

Вместо того чтобы ответить, Арджун взмахнул рукой, подзывая необычайно высокого гоблина с подносом, полным кубков с изящной гравировкой в виде виноградной лозы. Тот усмехнулся, когда Арджун взял напиток с подноса и выпил содержимое кубка за раз, даже не прервавшись, чтобы сделать вдох. Несмотря на то, что Арджун чуть не задохнулся, ему удалось поставить кубок грациозным движением на место. Вкус чересчур сладкой лакрицы осел у него на языке, и изумрудно-зеленый ликер будто захлестнул, сбивая с ног. Напиток оказался куда крепче, чем его аналог в мире смертных, знакомый людям под названием «абсент».

– Уверен, ты скоро и сам выяснишь, что я здесь делаю, Вир, – ответил наконец Арджун. – И обязательно воспользуешься этой информацией в своих гнусных целях.

– Лорд Вир так себя не ведет, – вклинились Сюджи. – Больше не ведет.

Вир погладил бледными пальцами длинные волосы гранда.

– Я желаю помочь, полукровка, – сказал он. – Скажи, зачем ты прибыл, и я постараюсь оказать содействие. – Его глаза, однако, опасно блеснули.

Арджун никогда не переставал дивиться тому, как фейри научились извращать правду. Вир не солгал, когда предложил помощь. Однако что в его понимании является содействием – еще нужно выяснить. Арджун закашлялся, чтобы скрыть насмешку, как раз в тот момент, когда заметил прибывшего на пиршество лекаря – высокого золотоволосого фейри, чья гордая походка выделялась из толпы даже среди магических существ этого мира.

– Кого ты ищешь? – продолжал напирать Вир.

Сюджи успокаивающе положили ладонь ему на грудь, прямо под брошь с изображением солнечного герба Сильван Уайль.

– Мой возлюбленный, лорд Брем желает с нами побеседовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Перевод?К.?Савельева.

2

Перевод?М.?Лозинского.

3

Я научилась его заваривать (фр.).

4

Дорогой мой (фр.).

5

Умолкни (кор.).

6

Замечательно! (фр.)

7

Отлично! (фр.)

8

Сестра (фр.).

9

Быть может (фр.).

10

Без приглашения (фр.).

11

Очаровательными (фр.).

12

Перевод?Н.?Демуровой.

13

Капор – женский головной убор с лентами, которые завязываются под подбородком.

14

Зачем? (исп.)

15

Черт (исп.).

16

Дерьмояд (исп.).

17

Идиоты (исп.).

18

Титания – персонаж комедии Уильяма Шекспира «Сон в летнюю ночь», королева эльфов и фей в ирландском фольклоре.

19

Пак – пугающий людей лесной дух в скандинавской мифологии.

20

Оберон – король эльфов и фей, супруг Титании.

21

Посмотри-ка (исп.).

22

Хватит (исп.).

23

Поплин – разновидность прочного шелка.

24

Ну, разумеется (исп.).

25

Какая ложь (исп.).

26

Хорошо (исп.).

27

Перевод?М.?Лозинского.

28

Бомбей – название индийского города Мумбаи до 1995 года.

29

Роти – индийские хлебные лепешки.

30

Не за что (исп.).

31

Досл. «полна дерьма» (исп.) – в значении «наврать с три короба».

32

Яиц (исп.).

33

Бокор – жрец в магии вуду.

34

Каплата – жрица в магии вуду.

35

Хунган – священник в магии вуду.

36

Замолчи (исп.).

37

Неблагодарные существа (исп.).

38

Савиль Роу – улица в Лондоне, издавна прославившаяся магазинами по пошиву мужской одежды.

39

Бонд-стрит – улица Лондона, известная своими элитными бутиками.

40

«Кларидж» – пятизвездочный отель с рестораном в Лондоне.

41

Какого черта (исп.).

42

Дурочка (исп.).

43

Досл. «среда» (исп.), однако из-за созвучия с испанским словом mierda («дерьмо») порой используется в качестве ругательства.

44

Иди с богом (исп.).

45

Рыцари белой камелии – террористическая организация, существовавшая в южных штатах Америки в XIX в., боровшаяся за превосходство людей с белым цветом кожи.

46

Реконструкция – период в конце XIX в. в истории США, когда после гражданской войны происходила отмена рабовладельческой системы.

47

Хвастовство (исп.).

48

Миссис (исп.).

49

Лугару – волки-оборотни в луизианском фольклоре.

50

Перевод?Т.?Щепкиной-Куперник.

51

Якша – природные духи в индуизме.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ahdie_rene/pravednica

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)